

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Выходит с января 2008 года

№ 3 (65)
МАРТ
2013

Домик в Хабаровске. Фото Василины ОРЛОВОЙ, г. Москва.

Ежемесячник
«Литературный меридиан»
основан 15 января 2008 года,
в день памяти святого преподобного
Серафима Саровского чудотворца

Тропарь, глас 4

От юности Христа возлюбил
еси, блаженне, и Тому Единому
работати пламенно вожделев,
непрестанною молитвою и
трудом в пустыни подвизался
еси, умиленным же сердцем
любовь Христову стяжав,
избранник возлюблен Божия
Матере явился еси. Сего
ради вопием ти: спасай нас
молитвами твоими, Серафиме,
преподобне отче наш.

Дорогие друзья!

Если вы готовы помочь нашему изданию регулярно выходить в свет, развиваться и радовать почитателей изящной словесности качественной литературой, если желаете одарённым литераторам найти своего читателя – в ваших силах совершить перевод любой приемлемой для вас суммы на счет «Литературного меридиана».

Номер нашего счета в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МЕРИДИАН

Культурно-просветительское художественное издание

Март 2013 года

№ 3 (65)

Главный редактор – Владимир КОСТЫЛЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Г.В. БОГДАНОВ, зам. главного редактора,
г. Хабаровск.

А.К. КАПИТАН, *г. Владивосток.*

Э.В. КОЧЕТКОВА, *г. Владивосток.*

Е.А. КУДРЯВЦЕВ, *г. Владивосток.*

А.А. ТРАПЕЗНИКОВ, *г. Москва.*

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ:

И.В. БАНКРАШКОВА, *г. Хабаровск.*

В.В. БОГДАНОВ, *г. Омск.*

Н.А. ЗИНОВЬЕВ, *г. Кореновск.*

Ю.Н. КАБАНКОВ, *г. Владивосток.*

В.Я. КУРБАТОВ, *г. Псков.*

Р.П. ЛЯШЕВА, *г. Москва.*

Г.В. НАЗИМОВ, *Калифорния, США.*

В.В. ПРОТАСОВ, *г. Владивосток.*

В.М. ТЫЦКИХ, *г. Владивосток.*

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

И.В. КОНЧАТНЫЙ, *г. Арсеньев.*

В.Г. ХРАМЦОВ, *г. Арсеньев.*

И.И. ШЕПЕТА, *г. Владивосток.*

Арсеньев
2013

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Проза

«Новый год в Полине». Виктор ЗАВОДИНСКИЙ 3

Проза

«Чёртов баран». Альберт ДЕЕВ 7

Поэзия

Иван ТАРАН 9

Проза

«Попользованные». Сергей КАЮРОВ 10

Отчизны верные сыны

«Юрий Кабанков. Премия А. Дельвига» 13

Поэзия

«Живи с оглядкой». Иван ШЕПЕТА 14

Свет памяти

«Детский окулист». Сергей НАЗАРЕНКО 16

Проза

«Голубой шарф». Татьяна ЭДЭН 18

Путеводитель

«Как я побывал в Греции». Николай БЕРЕЗОВСКИЙ 20

Проза

«Таёжные были». Виктор ДЕБЕЛОВ 23

Поэзия

«Зимовка в устье реки Большой». Александр ЕГОРОВ 26

Поэзия

«Время смотрит на меня». Алексей БОРЫЧЕВ 27

Есть что вспомнить

«"Шилор" по-редакторски». Василий САМОТОХИН 28

От редакции

«Спасибо, друзья!» 28

Проза

«Горбушка». Олег РОМАНОВ 29

Проза

«Дежурный у Вечного огня». Виктор ВЛАСОВ 30

Отклики наших читателей

Интернет-комментарии 31

Новый год в Полине

Виктор ЗАВОДИНСКИЙ

г. Хабаровск.

Оля пришла ко мне в мае, но поженились мы только в начале ноября, до этого она приглядывалась ко мне, оценивала. Свадьбу не играли, просто пригласили несколько друзей. И как-то сразу заговорили, что на Новый год надо бы съездить к Олиной сестре, в Полину.

Когда я в первый раз услышал от Оли, что ее сестра живет в Полине, я не понял.

– Где, где? – переспросил я, полагая, что недослышал.

– В Полине Осипенко, – пояснила Оля. И уточнила: – В поселке имени Полины Осипенко. Летчицы такие были, знаешь, наверное?

Тут уж я понял. И вспомнил, конечно. Ну, как же! Осипенко, Гризодубова, Раскова!.. Героини, пролетевшие через всю Страну Советов и приземлившиеся в дальневосточных болотах. Еще в школе проходили. Но какой бюрократ назвал так поселок? Могли бы назвать просто – Осипенко. Ведь не назвали же Калинин городом имени Калинина? Ну, ладно, имени так имени. Съездить все равно надо. Я видел, что к сестре Оля очень привязана, других родственников у нее не было, и познакомиться с семьей сестры мне сам Бог велел.

Сестру звали Аля, Альбина. В Полине она жила давно, с тех пор, как распределили ее туда после окончания Института культуры и назначили директором Дома культуры. Там Аля и замуж вышла, за местного механизатора. Родились у них две дочки. Старшая Марина жила с родителями, а младшая Оля, названная в честь тети (то есть моей Оли), училась в Хабаровске на программиста и жила в тетиной квартире. С ней я уже был знаком, а Алиного мужа Володю и Марину видел только мельком, когда они приезжали к Оле в гости, еще до нашей женитьбы.

Однако Оля к моей идее отнеслась без особого энтузиазма.

– Туда добираться сложно, – пояснила она. – Сначала до Комсомольска на автобусе целый день, потом на поезде по бамовской ветке всю ночь, а потом от станции на попутке сто пятьдесят километров. Можно еще на самолете. Но отдельных рейсов в Полину нет, только попутные, и на них не всегда есть свободные места. Да и укачивает меня в самолете.

– А на автобусе не укачивает?

– Тоже укачивает. Но из автобуса можно выйти, попросить водителя. А из самолета не выйдешь. Да и делать там особо нечего, в Полине. Застранем и будем куковать!

– А мы лыжи возьмем и гитару! Будем культурно проводить время. Надо все-таки съездить! Не хочу, чтобы твои родственники думали, что если я доктор наук, то зазнайка.

– Ну, ладно, – согласилась она наконец. – Тогда я договорюсь с Алей, чтобы Володя нас на машине встретил.

Зима подкатила быстро, вот уже и декабрь на дворе, Хабаровск в снегу, морозы под тридцать.

– А в Полине и за сорок будет! – пообещала Оля с какой-то затаенной радостью. Я знал, что раньше, когда она училась во Владивостоке, и потом, когда муж ее Сергей был еще здоров, Оля любила ездить к сестре, проводить летние и зимние каникулы в деревне, на реке, в лесу. – Надо будет одеться потеплее.

Когда до поездки осталось несколько дней, из Полины вдруг приехал Ваня, жених Олиной племянницы. В Полине он работал в милиции, помощником участкового, а в Хабаровске учился заочно в милицейской школе, куда и наезжал время от времени в порядке учебного процесса. С тех пор как Оля перебралась ко мне, Ваня, приезжая в Хабаровск, жил у невесты. Впрочем, это я их называю женихом и невестой, сами они себя таковыми не считали. На мой прямой вопрос Ваня ответил важно: «Я ее парень! Она моя девушка!» Такие вот категории у современной молодежи. Но Оля мне поведала, что на самом деле Ваня неоднократно делал «девушке» предложение, а та неоднократно ему отказывала. Однако, жить с ним жила.

Так вот. В этот раз Ваня приехал не по учебным делам, а специально, чтобы взять «девушку» под руку и повезти в Полину, где они планировали встретить Новый год с Алей и Володей, а значит и с нами. Ваня прибыл на милицейской машине, в компании бравых, таких же молодых коллег, и, узнав, что мы с Олей планируем взять с собой лыжи, тут же предложил свою помощь в их транспортировке:

– Для вас двоих мест, к сожалению, не будет, а лыжи возьмем, без проблем!

Был он худощав и белобрыс, слегка походил на актера Серебрякова, светлые глаза смотрели с уверенной наглостью. То ли профессия уже наложила отпечаток, подумал я, то ли именно такие парни в нее и идут.

Мы согласились. Добираться предстояло на перекладных, с лыжами было бы хлопотно, так что предложение пришлось нам кстати. Оля заикнулась, что можно и гитару отправить с той же оказией, но мне эта идея не понравилась. Гитара вещь деликатная, в чужих руках может и не доехать. Особенно, если среди Ваниных друзей окажется любитель «сбачать». Я уложил лыжи и ботинки в чехол, отнес в Олину квартиру, где в это время «гудела» с дороги милицейская компания, и мы занялись сбором остальных своих вещей.

До Комсомольска мы добрались без приключений,

и Оля лишь однажды попросила водителя остановить автобус. В Комсомольске пересели на поезд. К огромному нашему удовольствию (и к удивлению), в этом захолустном бамовском составе нашелся вагон с купе «люкс», то есть с двухместными купе, и мы ехали, как совершенно белые люди, наслаждаясь обществом друг друга – только друг друга. Чем не свадебное медовое путешествие!

В дороге я делился с Олей сведениями, почерпнутыми накануне из Интернета, поскольку название «Поселок имени Полины Осипенко» к чему-то обязывало. Оказывается, до знаменитого женского перелета 1938 года поселок именовался Керби (по названию речки) и был известен как центр добычи золота. Героическая летчица Полина, увы, в следующем же году погибла в очередном тренировочном полете; ее подруга Раскова погибла в сорок третьем, на фронте, а вот Гризодубова войну пережила, командовала полком и даже участвовала потом в съемках фильма о своем перелете.

– А я родилась в этих местах, – сообщила в свою очередь Оля. – В поселке Хурмули. У меня папа геологом был, золото как раз искал, они с мамой все по экспедициям мотались. В Хурмулях у геологов база была.

– А сейчас чем славна Полина Осипенко? – спросил я. – Чем там народ занимается?

– Как и везде – пьют и браконьерствуют. Поселок на Амгуни стоит, река нерестовая... Володя раньше в леспромхозе работал, на лесовозе. Сейчас пытается частное дело открыть, оформил деляню, хочет дрова заготавливать да людям возить. В Полине ведь дровами топят!

Станция Постышево встретила нас белым безмолвием. Снег начинался от самых путей и уходил к горизонту, точнее к белым округлым сопкам, похожим на сахарные головы. Автомобильная дорога, пробитая меж окутанных морозным инеем елей и пихт, также была белой. На ее обочине стояло несколько разнокалиберных машин, ожидавших пассажиров. Нас с Олей ждал старенький минигрузовичок с довольно просторной, четырехместной кабиной. Володя, большой, улыбочивый, шурил на солнце и без того неширокие тунгусские глаза, выйдя из машины, издали махал нам рукой. Вместе с ним приехала и Аля. В отличие от тоненькой как былинки сестры, она смотрелась сдобной пышечкой, румяной от мороза, с выбивающимися из-под меховой шапки рыжими кудряшками. На Володе был короткий овчинный полушубок, на Олиной сестре – длинная, почти до земли дубленка. Оба были обуты в добротные серые валенки.

Мы обнялись, загрузили наши рюкзаки в крытый брезентом кузов и влезли в кабину.

– Что-то вы легко одеты, – заметила Аля, когда машина выехала на трассу. – Задубеете у нас в Полине!

– У нас в рюкзаках теплые вещи, – пояснил я. – Мы на лыжах будем бегать.

– Не больно-то у нас побегаете, по нашим снегам, – засмеялась Альбина. – А лыжи-то где?

– Лыжи Ваня с Олей привезут, – подключилась к разговору моя женушка. – Они на машине приедут.

– Да, Оля звонила, – кивнула сестра. – Сейчас утром они должны выехать, к вечеру прибудут. А вы бы утеплились все-таки. Там, под вашими сиденьями – валенки и одеяло. А то продрогнете в дороге.

– А долго ехать? – спросил я.

Володя обернулся, улыбка не сходила с его лица:

– Часа три. Быстрее нельзя, снег свежий, рыхлый. Вчера тут автобус ушел в кювет, лег на бок. Хорошо, никто не пострадал.

– А однажды и я в такую же аварию попала, – поддержала его Аля. – Тоже автобусом ехала. Так одна женщина ногу сломала.

Мы с Олей переглянулись. После теплого купе мы еще не успели остыть, но густой иней на жестяных стенках кабины подкреплял слова Володи и Альбины, и мы начали переобуваться.

– А с кем вы Маришу оставили? – поинтересовалась Оля, накинув мне и себе на плечи шерстяное одеяло и прижавшись к моему боку.

– С Катей, – ответила Аля. – Мы из детдома девочку взяли на каникулы, ее Катя звать. Полукровка. Мама на найка умерла, а русский папа-пьяница куда-то сгинул. Девочка уже четыре года в детском доме, я ее беру иногда. Вот и сейчас взяла. Ребенку радость, Новый год в семье встретит!

– А сколько ей лет?

– Двенадцать.

Я слегка удивился. Зачем надо оставлять взрослую девушку на двенадцатилетнего ребенка? Что-то тут не досказано.

Эту недосказанность я понял, когда мы добрались до места и вошли в дом. Марину я видел до этого лишь мельком, один или два раза, когда семья Олиной сестры приезжала гостить в Хабаровск, и она показалась мне обычной миловидной девушкой лет двадцати пяти. Здесь же мне сразу стало ясно, что семья эта несет свой крест. Марина от рождения страдала тяжелой формой аутизма, не выучилась речи, и осталась на уровне двухлетнего ребенка, веселого и шаловливого. Разумеется, ее нельзя было оставлять одну в доме. Катя же оказалась приветливой стройной девочкой, с двумя черными кошечками и миндалевидными карими глазами, делающими ее похожей на дикую козочку. Обе они обрадовались нашему приезду, как, впрочем, и серая кошечка, сразу прыгнувшая мне на плечи и принявшаяся с мурлыканьем меня оглаживать своей шелковистой мордашкой.

Дом был большой, многокомнатный, но одноэтажный. Обычный деревенский дом, срубленный лет шестьдесят назад из векового кедра. В этом доме вырос Володя, сюда он привел когда-то молодую жену, здесь умерла от рака еще не старая мама Альбины и Ольги. А отец их умер еще раньше, надорвав сердце тяжелыми маршрутами, спиртом и чифиром. В каждую комнату были проведены трубы отопления, которые шли от большой кухонной печи, но как всегда в таких домах от земли тянуло холодом, и, несмотря на то, что деревянные полы были устланы коврами дорожками, все ходило в меховых тапочках. Нам с Олей такие тапочки тоже выдали, но за три часа я так продрог в машине, что

никак не мог согреться и, насмешив всех, уселся в конце концов прямо на чугунную печную плиту, еще сохранившую тепло после утренней топки. Тепло вливалось в меня снизу, и я блаженствовал. А тут еще Володя стопку водки мне налил, и стало совсем хорошо.

Альбина с Катей принялись на стол накрывать, Оля им помогала, а Володя ушел во двор – баньку затопить. Я скоро отогрелся на печи, влез опять в валенки и тоже вышел во двор – поискать туалет.

Посреди просторного двора стояли две машины: пикап, на котором мы приехали, и видавший виды «камаз». Мороз уже слегка отпустил, но снег упруго и празднично хрустел под ногами, и по этому хрусту и по белизне чувствовалось, что выпал он совсем недавно. А выпало его немало! Пробитая к бане тропинка утопала в снегу на добрый метр, да и на крышах дворовых сараев лежало не меньше. Не доходя до бани, над трубой которой уже вился синий дымок, тропинка раздваивалась и правое ее ответвление уходило куда-то вглубь, к чернеющему за баней забору. По-видимому, там и находилось искомое мной заведение. Пса во дворе не имелось, и я смело двинулся по тропинке.

Тишина была разлита вокруг, как молоко. Солнце сияло, серебрясь в белесом морозном небе. Ворона пролетела – тоже молча, без карканья, едва слышно прошелестела крыльями. Когда шел обратно, из баньки вышел Володя, как был – в рубашке, без шапки, разгоряченный.

– Ну, как тебе у нас? – спросил он с обычной улыбкой. – Отогрелся на печке?

– Нормально! – ответил я, улыбаясь в ответ. – Я тоже не на паркете вырос. Корову в детстве пас. А у вас есть корова?

– Нет, – покачал головой Володя. – Корову не держим. Поросенок есть. А корову сейчас не выгодно держать, корма дорогие. Дешевле молоко покупать.

– Где у тебя колун? – спросил я. – Помахать хочется. Не будешь возражать?

– Помаши, если хочется. Вон там лежит, у поленницы. Там и чурки увидишь.

Поленницу я нашел у забора. Собственно, из-за нее и забора-то было не видать, такой она казалась высокой и длинной – стена китайская, а не поленница, на всю зиму хватит. Однако еще и березовых чурок гора не маленькая высилась рядом, там же на кражистом кругляке-колоде лежал колун с длинной ручкой. Эх, раззудись плечо, размахнись рука!.. Или я не мужик?

За обедом говорили о жизни. Мы расспрашивали, как идет у Володи дровяной бизнес, чем у Али закончился грант по культуре, который она выиграла в прошлом году, какие вообще перспективы у Полины Осипенко. Аля интересовалась моими дочерьми. Разбросала их у меня жизнь! Старшая в Москве, средняя в Токио, младшая в Калифорнии... Где и когда удастся их вместе собрать?.. Аля вдруг поглядела на нас с Олей как-то особенному, словно решаясь на что-то, и спросила:

– А не могли бы вы нам дать займы? Володя хочет новый грузовик купить, а у нас не хватает. В банке, сами знаете, какие проценты.

Володя смущенно шурил глаза, смотрел в пустую рюмку.

– И сколько надо? – спросил я.

– Триста тысяч. На год.

Мы с Олей посмотрели друг на друга, каждый прикидывал в уме, где и как мы можем набрать такую сумму.

– Наскребем, – сказал я, заранее зная, что Оля меня поддержит. – Только с условием: чтобы сто тысяч вы нам вернули к лету. Мы на Алтай планируем поехать, деньги будут нужны. А остальные можно и до конца года.

Володино лицо просветлело, он взглянул на меня с признательной улыбкой, рука потянулась за бутылкой.

– Годится! – облегченно улыбнулась и Альбина. – Сто тысяч и мы наскребем. А то прямо не знали, что делать. Старый-то грузовик совсем рассыпается, его еще в леспромхозе укатали.

Володя предложил выпить за нас с Олей, за нашу поддержку.

Выпили, закусили. Закуска, кстати, была местного происхождения. Володин брат завалил недавно медведя, поделился мясом. Медвежатину я пробовал впервые в жизни, вкус был специфический, но вполне приемлемый. Оля же налегала на сало и соленые огурцы. Соскучилась по деревенской еде.

Захмелев, Аля сказала с усмешкой:

– А видно вам деньги просто даются, раз вы так легко с ними расстаетесь.

Я посмотрел на нее с удивлением. Вроде и неглупая женщина, вроде и выпила не много, а язык не контролирует. Даже если так думаешь, зачем так говорить? Денег мы еще не дали, можем и обидеться. Но видно у них с Олей это была давняя и привычная тема, потому что Оля отреагировала спокойно:

– Перестань, Аль! Я знаю, что тебе стыдно просить деньги у младшей сестры, но мне ведь уже не пятнадцать. В нашем возрасте пять лет ничего не значат. Будет нам трудно, вы нам поможете, а сейчас у нас есть возможность. А деньги нам тоже трудом достаются. Мы же их не печатаем! Почему ты думаешь, что наша научная работа легче вашей?

Аля ступевалась и, чтобы сменить тему, взяла телефон и стала звонить дочери, узнать, как там движется процесс. Я не слышал, что там ей говорила в трубку дочь, но по выражению лица и по отдельным коротким репликам можно было понять, что процесс сильно застопорился, а если и движется, то не в ту сторону.

– Ну и что? – не выдержал первым Володя, когда Аля закончила разговор.

– Она говорит, что машина у них сломалась, и они ищут сейчас другую.

– Ну, балабон! – хлопнул себя по колену Володя. – Я всегда говорил, что этот Ванька балабон! Первым никогда не поздороваешь, ходит по поселку, как пузырь надутый! Машина у него сломалась! Да у него руки не оттуда растут, и мозгов нету!

– Да подожди ты кипятишься! – шикнула на него Аля. – Парень как парень. Можно подумать, у тебя

машина не ломалась. Неплохая пара нашей Оле. Выучится, офицером станет, дальше пойдет, остепенится.

– А мне кажется, Ваня ей не пара, – вступила в разговор Оля. – Как он начал к ней приезжать, так мне преподаватели стали жаловаться (я ведь тоже там преподаю, меня знают), что Оля стала плохо учиться, лекции пропускает, задания не выполняет. А в квартире все время пьянки и музыка гремит по ночам.

– Молодежь так теперь живет, – возразила Аля. – Ты отстала от жизни, а я с молодежью работаю, я знаю. Их нельзя свободы лишать. Диплом получит и ладно.

«Ни фиги себе! – подумал я. – Вот так родная мама о своей дочери! Пусть не учится, пусть пьянствует – лишь бы диплом получила. Вернемся, надо будет с Олей поговорить. С племянницей надо что-то делать. С таким женишком она и до наркотиков может докачаться».

– Диплом получит, а дальше что? – не сдавалась Оля. – Ты же сама попросишь меня помочь устроить ее на работу. А как я смогу ее кому-то рекомендовать, если у нее в голове будет пусто?

– Ладно, – махнула рукой старшая сестра, – давай не будем раздувать эту тему. А то вон ребенок смотрит на нас испуганно, думает, что мы ссоримся.

Ребенок, то есть девочка Катя, сидел на противоположной стороне обеденного стола, рядом с Мариной, и действительно вид имел встревоженный. Я подумал, как жаль, что мы не знали, что здесь будет эта девочка, и ничего не привезли ей в подарок. Надо сходить завтра с утра в магазин и купить что-нибудь.

После обеда, который получился весьма поздним, нам с Олей предложили сходить в баньку. Сам я как-то к парной бане по жизни не пристрастился, но знал, что Оля любительница этого дела. У себя в квартире она даже устроила мини-сауну, парила своего инвалида-мужа и сама парилась. Ну а с любимой женкой и я был готов пройти термическую экзекуцию.

Описывать баню и процесс нахождения в ней я не стану, дабы не разгневать знатоков и ценителей сей русской забавы. Для меня главным удовольствием было то, что удовольствие получила моя женушка, да еще осталось непередаваемое ощущение от погружения разгоряченного тела в огромный пушистый сугроб. Такубоку вспомнился: «Зарыться в мягкий ворох снега пылающим лицом... Такой любовью я хочу любить!» Японец, а как сумел снег прочувствовать!

К вечеру Алина дочь позвонила маме сама и сказала, что сегодня они выехать уже не смогут. Выедут завтра утром и приедут к вечеру, к самому Новому году.

– Спроси про наши лыжи, – сказала под руку сестре Оля. Альбина посмотрела на меня вопросительно.

– Не надо, – остановил я ее. – Взяли так взяли. А если не взяли, то уже не возьмут. Не надо людей дергать.

Утром, после завтрака, мы в сопровождении Али прогулялись по поселку. Увидели обелиск, установленный в честь летчиц, миновали небольшую деревянную церковь и здание музыкальной школы, дошли до Дома культуры. Аля вошла внутрь, по своим предпраздничным делам, а мы с Олей направились в местный

универмаг за подарком для Кати. Оля уже вызнала, что девочка увлекается рисованием, и мы купили ей набор хороших красок и кисточек.

На обратном пути свернули к реке. Амгунь была скована льдом и укрыта снегом, ее ровная, гладкая дорога уходила далеко за поселок. «Вот здесь бы на лыжах и побегать! – подумал я, – Но лыж нет и, пожалуй, уже не будет. Хорошо, хоть гитару мы Ване не доверили».

День тянулся непривычно долго. Смотрели телевизор, лепили пельмени, я опять помахал колуном... В общем, ждали Нового года. И ждали Олю с Ваней. Часов в шесть вечера вернулась Аля и сказала, что Оля ей позвонила. Они доехали до Комсомольска, и там опять сломалась машина, они остались у Ваниного друга, к Новому году не приедут.

– Врут они все! – еле сдерживая гнев, произнес, выслушав жену, Володя. – Просто залились уже под завязку, никто баранку держать не может. Знаю я эту ментовскую компанию! Им законы не писаны.

– Ну, с Ольгой я поговорю, как приедет, – пообещала Аля. А мы с Олей промолчали.

Новый год тем не менее встретили, как полагаются, с шампанским, со звоном бокалов, с телевизором и моей гитарой. Гитара имела успех. Аля даже благосклонно сказала, что приняла бы меня в свою самодеятельность. Наверное, это была высокая оценка, потому как ее самодеятельность брала первые-вторые места на краевых конкурсах.

Оля и Ваня появились только второго января. Румяная с мороза, ясноглазая, Оля походила на Снегурочку. На очень смущенную Снегурочку. А с Вани все было как с гуся вода. О лыжах он даже не упомянул. Впрочем, я с ним и разговаривать не стал, не интересен он мне был. Разговаривал Володя, но тон его не был уже таким категоричным, как накануне. Наверное, не рисковал открыто ссориться с милицией. И только когда Ваня ушел, позволил себе эмоции:

– И папаша у него такой же засранец! Все менты засранцы!

На следующий день мы покидали Полину. Аля позвонила в поселковый аэропорт (ее везде знали), попросила посадить сестру с мужем на ближайший проходящий борт, и нам зарезервировали места. Провожали они нас вдвоем с Володей, сфотографировались на прощанье прямо у трапа. Обнялись, еще раз заверили друг друга в договоренности по деньгам. Прощай, Полина! А может, и до свидания.

В самолетике (это был шестнадцатиместный АН-28) Оля попросила у стюардессы два спецпакетика, прислонилась к моему плечу и сказала:

– Я так счастлива с тобой! Давай не будем никогда разлучаться!

– Давай, – согласился я. – Будешь ездить со мной в командировки, на конференции.

– А ты со мной.

– Само собой. И мы никогда не будем ссориться.

– Никогда!

Самолетик взлетел. Оля уткнулась в пакетик. Как хорошо было у меня на душе!

Чёртов баран

Альберт ДЕЕВ

г. Омск.

Дмитрий по большому благу достал трёх ягнят мериносов: две ярочки и одного барашка на племя. Ухаживал он за ними, как за малыми детьми.

Овцы быстро растут – не то, что люди. К зиме баран стал большим и красивым, мощные рога закручены; овечки – помельче, против барана выглядели плюгавенько.

Настала зима. Запорошила всё белым пуховым одеялом. Не один раз баран вышибал дверь сарая, где кроме овец зимовала и другая немудрёная живность. Дмитрию приходилось дверь ремонтировать, и, в конце концов, он навесил новую, а барану закрыл “вид спереди” фанеркой, которую привязал к рогам. Баран, ничего не видя перед собой, оставил дверь в покое.

На лето весь мелкий рогатый скот – овец и коз – выгоняли в общую кошару, которая находилась в полутора километрах от села, и только осенью хозяева забирали своих животных.

Весной на сходке выбирали чабана из желающих, определяли плату по поголовью отары.

Который год Геннадий с сыном нанимались пасти скот.

Дмитрий так с фанеркой и отправил барана в отару. Вскоре баран каким-то образом оторвал фанерку и ходил с ней, болтающейся на одном роге, а затем и вовсе без неё. Чабан на это не обратил внимания: мало ли какие причуды у людей!

Как-то поздно вечером Дмитрий услышал стук в дверь.

– Заходите! Не заперто!

Нерешительно вошёл чабан. Вошёл и, перетапываясь с ноги на ногу, остановился у порога.

– Проходи, коли пришёл. Присаживайся.

Геннадий прошёл в дом и остановился около стола.

– Присаживайся, – повторил Дмитрий, пододвигая табурет.

– Баешь, присаживайся! – начал вызывающе чабан. – Не могу я присесть. И так кое-как притопал из-за твоего аспид-барана!

Видя, что разговор принимает неприятный оборот, Дмитрий встревожился, и, зная, что Геннадий никогда не откажется от чарки, а выпив, становится стоворчливее и рассказать может всё подробно и складно, не то, что на трезвую голову, достал из холодильника бутылку водки и поставил на стол два стакана.

У Геннадия заблестели глаза. Он, конечно, не откажется от выпивки, но для того, чтобы не уронить своего достоинства, немного покуражится.

С неуклюжим, долговязым увальнем, на первый взгляд кажущимся простачком, надо держать ухо востро. Крестьянской сметки, хитрости и хватки ему не занимать, и, если бы не зелёный змий да лень-матушка, он мог бы быть не чабаном, а зоотехником или ветеринаром.

– Да я не за этим пришёл, – показал он пальцем на налитые уже стаканы. – Я пришёл поговорить о твоём баране. Забери ты этого дьявола из отары, а то или он меня жизни лишит, либо я его!

– Давай выпьем, а уже потом о деле. Кто ж о деле говорит, не промочив горла? – примиряюще произнёс Дмитрий, помня, что Геннадий ещё тот питух. – Ты сядь, в ногах правды нет.

– Да не могу я сесть! – вспыхнул Геннадий.

– Ну, давай тогда стоя пей, – предложил Дмитрий. – Выпьешь – расскажешь, что у тебя там произошло.

Геннадий с минуту крепился, но наконец решив, что уже можно – а то, чего доброго, Дмитрий уберёт вожделенную бутылку опять в холодильник, – выпил. Закусив, многозначительно посмотрел на вновь налитый до половины стакан, взял его в руку и начал рассказывать о том, что его привело сюда в столь неурочный час.

– Так вот, Митрий, забирай своё барана. Он мне своими рогами уж сколь разов изгородку ломал. У меня и жердей нету кошару чинить. Разбежится – и по жердям, жерди трещат, ломаются. Не успеваю прибавать их! Ведь любую жердину перебивает. Силища у окаянного в рогах огромная! А сёдня чо умудрил! Послухай, послухай! Токо починил я изгородку, нагнулся, а этот чёрт рогатый будто подстерегал, ждал, значит, момента этого, как даст мне своими рожищами по заду – я летел метра на два, ежели не больше. Чую, вроде хрястнуло чтой-то. Ишшо об столб головой треснулся. Ну, думаю, лопнула моя головушка, не соберу черепушки. Хочу встать, весь в кизяке, а не могу, боль адская, будто кто раскалённую сковороду мне к сидячему месту приставил! Подыматься начал, но заметил краем глаза, что твой дьявол на меня летит, роги-то опустил, ежели тюкнет ишшо разок, не поднятись мне никогда. Яшшик для моих костей тогда заказывай сразу. Откатился я. Успел! А ён, этот аспид проклятый, рядом со мной промчался, мне аж страшно стало, хотя я ничо не боюсь, и в токо что отремонтированный забор своими рогами как даст. Искры, поверишь ли, посыпались! Вся работа насмарку! Чо ремонтировал изгородку, чо не ремонтировал!

Кое-как поднялся на ноги, а ён стоит, гад, усмехается! Говорил Геннадий на местном диалекте, как все старожилы.

– Кто усмехается? – недоумённо спросил Дмитрий.

– Да баран твой! Кому ишшо усмехаться!

– Бараны не умеют усмехаться!

– Я сам видел зловещую ухмылку на морде твою барана, – безапелляционно заявил Геннадий. Помолчал, чтобы придать словам больший вес, и продолжил: – А теперь я сидеть не то, что на лошади, на подушке пуховой не могу. Так что забирай свою изверга, я его дале пасти не собираюсь!

Несмотря на нескладную фигуру, на коне Геннадий сидел как влитой. Сейчас, после казуса с бараном, ему, пожалуй, до конца сезона придётся отказаться от лошади. Скот он допасёт – никогда не бросал пастьбы.

“Сам пасти не будешь, на работе весь день. Коровий пастух не возьмётся, ни в жизнь не возьмётся, и в ограде держать не будешь. Уламывать надо!” – подумал Дмитрий.

– Геннадий, пасти осталось недолго, а я за него платить буду, как за две головы. Ну и, – подмигнул, кивнув на бутылку, – не обижу! Попаси до конца. Совет дам: не наклоняйся. Не любит он этого! Ты

поосторожней с ним. Зад не подставляй! И лоб, конечно, а то мозги вышибет! Он ведь думает, что ты драться с ним хочешь! Баран, он и есть баран. Какое у него соображение? Меня он тоже толкнул. Зимой дело было. Так я недели две сесть не мог, – вылетело у него.

Геннадий насторожился: «Что? Минимум две недели не сможешь сидеть?! Не-ет! Такая перспектива ему очень не нравится. Надо отказаться пасти барана, наотрез отказаться, а нет – так заламывать цену. А куда он денется, заплатит!»

Дмитрий понял, что коснулся опасной темы, и переменил разговор.

– Ты посмотри, какой он красивый. Порода! На племя брал! Ни у кого таких овец нет. Зарезать, конечно, можно, но жалко. А шерсть какая! Хороша! Руно! Золотое руно! За таким руном, наверное, аргонавты в Колхиду ездили. Для шерсти овец брал. Рукavicчки вязать, носки, ковры класть...

– Ты, Митрий, мне зубы не заговаривай! – осадил Геннадий. – Знаю я твоё руно, задом своим чую! Гришь, недели две болеть будет? А я тютюшиться с твоим руном должен?!

– Не! Оговорился я. Поболит маленько – и перестанет, – решил замаять свою оплошность Дмитрий.

– Маленько! – с обидой произнёс чабан. – Мне на коне ездить! А как я в седло сяду?

– погоди, погоди! – перебил Дмитрий. – Ягнята будут, дам одного! Договорились?

Геннадий задумался.

– Ну, хорошо! Хошь, жердей дам для ремонта кошары, плюс к ягнёнку! – хозяин барана сам предлагал контрибуцию за причинённый ущерб.

Лицо Геннадия посветлело, для видимости он помялся, подумал.

– Такая, видать, планида выпала мне, от твоего барана смерть принять! – нарочито сокрушённо вымолвил хитрец.

Дмитрий налил полный стакан водки, пододвинул Геннадия. Тот с удовольствием выпил.

– Ну, вот и ладненько. Вот и договорились, – с облегчением проронил Дмитрий.

Прошло две недели. Чабан почти каждый вечер заходил к Дмитрию, просил жерди, а заодно и подлечиться. Скрипя сердцем, Дмитрий удовлетворял потребности чабана – обещал, а слово держать надо.

«Самогонку не гоню, а водку покупать каждый день да через день – никакой бюджет не выдержит, да и спиться не мудрено, один он никогда не пьёт, хочешь – не хочешь, приходится и мне пить», – с досадой размышлял Дмитрий.

К концу третьей недели Геннадий постучал в дверь. Дмитрий пригласил чабана присесть.

– Митрий. Я пришёл не пить и не жердей просить. Ну их совсем, – махнул он рукой. – Ты вот чо, продай мне свою барана.

У Дмитрия глаза полезли на лоб от удивления.

– Опять что-нибудь натворил? – в сердцах выдавил Дмитрий.

– Не. Ты не подумай чо плохого. Отличный у тебя баран. Продай его мне. Сколь хошь про-си – продай! Не нужон мне обещанный ягнёнок и платы за пастьбу барана не надо. Продай!

К такому виражу Дмитрий не был готов.

– Что случилось-то?

– Геройский у тебя баран! – ещё больше удивил Геннадий.

– Вот те на! То забирай барана, то продай за любую цену! Как это понимать?

– А так и понимай! Шас расскажу, чо сегодня случилось. Еду к кошаре. Зорит. Туман. Ни зги не видно. Подъезжаю к кошаре, конь храпит, уши напранул, пятится назад. Мой пёс, обычно спокойный, зарычал, шерсть дыбом, пригнулся, как для прыжка! Что, баю, за чёрт, николи такого не было! Разглядел в тумане, когда подъехал: овцы в кучу сбились, а часть их из кошары вышла. Ну, думаю, достал меня чёртов баран. Что ни утро, ремонтируй кошару, а теперь ишшо и овец в кучу согнал. Ободняло малость. Туман спал. Лучше видно стало. И что же я вижу? Оказалось, волк откель-то в наши края забрёл, а в наших краях давно такой напасти не было. Потому и овец ночью не сторожит никто. А чо их сторожить ночью то? Хычников нету, а люди у нас чужого не тронут. Две овцы зарезал, зараза.

Геннадий сделал паузу.

– Наткнулся волк на твою барана – и получил по зубам! Николи бы не подумал, что баран с волком биться будет! А от поди ж ты! В кошаре он толкнул разбойника серого рогами, тот и полетел из кошары. Тода твой баран выбил жердину и давай волка месить рогами. Волк издох, а баран твой стоит подле него, да время от времени боднёт. Я хотел было сгоряча кнутом отходить твою барана – опять жердину выбил, да ишшо и овец разогнал! А увидел мёртвого волка, слез я с коня, хлеба горбушку посолил, дал барану, ён хлеб-то съел, а я его взял за шею и давай целовать, – он показал, как обнял барана. – А ён стоит спокойно, гордо так стоит, принимает как должное. С понятием, значит, баран твой! Опосля отошёл от волка. Меня, стало быть, ждал!

– Я-то подумал, ты опять с претензиями... – начал Дмитрий.

– Продай мне свою барана! – прервал чабан – Чо хошь проси, но продай! – в голосе слышались умоляющие нотки.

– А как твой зад? Не болит уже? – съехидничал Дмитрий.

– Не боись, заживёт! Мне ничо от тебя не надо, барана продай!

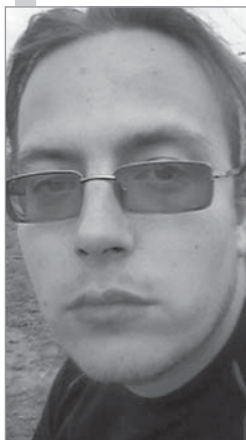
– Нет! – отрезал Дмитрий. – Продавать не буду.

Раздосадованный чабан, прихрамывая и кособочась, вышел в темноту позднего вечера.

ПОЭЗИЯ

Иван ТАРАН

г. Омск.

Родился в Омске 1 мая 1985 года. Окончил лингвистическую гимназию и филологический факультет ОмГУ. Автор стихотворных сборников: «Эмигрант» (2007), «Сценарий для жизни» (2008), «Скучный праздник» (2009), «В стороне» (2010). Главный редактор журнала «Вольный лист».

* * *

Время спать, страдать и умирать.
Борис Поплавский.

Сколько смерти, горя и недугов
Этот год стремительный принёс!

Я поддал в гостях у как бы друга,
Принимая праздники всерьёз.

Время жить, молчать и унижаться
В серой школе у большой реки.

Вот уже уходит ночь-служанка,
Улетают тучи-старики.

* * *

Я не люблю народ. Особенно старух.
Мне безразличен Омск. Особенно окраины.
Давно мне стали ненавистны долг и труд.
И кто посмел сказать, что я живу неправильно?

Я бесполезен для семьи и для страны.
А для себя? Моя дурная слава
Ласкает слух, как звук морской волны,
Не вам, но мне, рождающему слово...

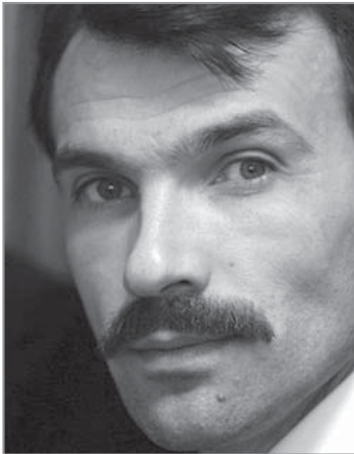
* * *

Каким я когда-то был
Романтиком революции!
Я сделал, что мог, для борьбы,
И все надо мной смеются.

Бросал я жену и детей
В столичное пекло событий.
А смысл – не в красоте,
Он – в истине.

Попользованные

Рассказ

Георгий КАЮРОВ

г. Кишинёв, Молдова.

Родился в 1966 году
в г. Запорожье.

Главный редактор газеты
«Вести».

Главный редактор
литературного журнала
«Наше поколение».

Член Союза писателей России,
член Союза журналистов
Украины, международный
мастер спорта по шахматам.

Брожу по коммерческим центрам, переходя от бутика к бутику, и ловлю себя на мысли, что точно так ходишь по музею. Даже лучше – никакой нагрузки – сплошная блаженная пустота в голове. Взгляд такой же, у барана и то – осмысленнее.

От пестроты товаров рябит в глазах. Покупаешь безделицу, а для чего она тебе – не знаешь. Просто остановился у бутика, а в нём красивая девчушка-продавщица. Что ей сказать? Как заговорить? Давайте познакомимся. Как ваше имя? Зачем – сам не знаешь. Не поведёшь же продавщицу в театр. Ерунда какая-то. Но всё-таки – красавица! А красивая женщина уже не принадлежит сама себе, она – достояние нации! И сразу интересно услышать её голос. Хочется увидеть, какова её пластика. И как всё это вместе сочетается. В чём же причина, что продавщица – это всё, на что хватило дивы с такими шикарными данными! Понятно, конечно, должен же кто-то и эту работу выполнять. И всё равно грустно. Вот и начинаешь спрашивать то да это. Она спохватывается, не забывая оглядеть покупателя снизу доверху, – оценивает перспективу, и глазки её соловеют. От продаж зависит заработок. Не дай Бог, не попадаешь под её критерии – солидного покупателя, она и не оторвёт попку от своего табурета. Окинет взглядом и уткнётся в дешёвенький романец. Хозяин не пожурит за такое отношение к покупателю. Его школа, его психология – служить богатому покупателю! Она чётко исполняет волю хозяина.

Фирменные магазины выбиваются из ряда вон. Их владельцы в своём бегстве от социализма замкнули круг, внедряя культуру социалистической торговли – все продавцы в униформе, с такими же постными физиономиями, все увешаны золотом, как новогодние ёлки. Пахнут тоже одинаково – дорогими ароматами забита несвежесть нарядов. Но она всё равно улавливается, если подойти ближе, а не подойти невозможно, миленькая продавщица юлит вокруг тебя, сбивая купоны.

- Ложите сюда, – лучится она приветливостью.
- Кладите, – и тут же сам морщусь: чего цепляешься! Но уже поздно.
- Что? – всё ещё светится любезностью продавщица, но глазки из округляющихся глупостью, меркнут, сужаясь злобностью.
- Без приставки – «кладите», а с приставкой – «положите».

Фото из архива Сергея СЕМЕНАХИ, г. Арсеньев.

– Я, между прочим, знаю три языка! – мгновенно просыпается в ней фурия.

Я тут же понимаю, что нам не поговорить ни на одном. Грустно...

Продавщицы бутиков и фирменных магазинов превратились в сливки женского контингента. Такая вот афиша нашего общества. Только, не дай бог, копать глубже! А так – всё как в советские времена: кафе, рестораны забиты представительницами торговли, разбавленными мешаночками весельных. Зато в супермаркетах, в торговых центрах тепло и интересно. Всё сверкает и блестит! Кафе круглосуточные. Секс-туры тут же за соседними столиками. Выбор хоть куда! От миленьких девчушек до безобразных иностранцев. Копеечные девки и дигидойлы – в ассортименте.

– Санька, привет! – раздаётся совсем рядом знакомый голос. И кто-то с силой поворачивает меня.

– Лидка?! – сразу не верю своим глазам. – Привет, привет! Откуда ты? Давно не виделись. Как Серёга? Дети?

– Девтора уже выросла. Серёга, как всегда, на работе. Как вы? Как твоя? – Лидка никогда не называла мою жену по имени.

– Всё в порядке. Мои – на танцах. Ты гуляешь? Тебя подвезти?

– Нет-нет. Я здесь работаю, – Лидка счастливо улыбается.

– Как работаешь? – изумляюсь. Лидка! И работает!

– О! Уже скоро полгода.

– У вас что-то случилось? Что ж Серёга не позвонил? Помогли бы!

– Почему сразу что-то должно случиться? – только на мгновение мелькает в глазах тень, но тут же улыбка озаряет Лидкино личико. – Вам, мужикам, только позволь, так вы на нас и паранджу надели бы. Нет, просто решила поработать. Я всегда считала – женщина должна работать. Не всё же время сидеть дома в четырех стенах.

– Как Серёга на это посмотрел? – всё ещё не верю услышанному.

– Как он может смотреть? Сначала упирался. Ну, ты же знаешь его. Долго мы уговаривали нашего папку, – Лидка привычно взяла меня под руку, круто поворачивая на сто восемьдесят градусов. – Но уговорили! Пошли выпьем чего-нибудь. Я угощаю.

Лидка выбрала столик у окна, и солнце осветило её прекрасное лицо. Сколько мне пришлось страдать из-за этого лица в молодости! Мы сидели за чашкой кофе и говорили. Я слушал и пристально всматривался в глаза моей возлюбленной, ловя каждую искру. Мне всё ещё не верилось, что эта красивая женщина, которую я боготворил, стоит за прилавком, и мужчины превратились для неё во всех мужиков. Много лет назад Серёге повезло больше – Лидка выбрала его. Мы по-прежнему находили время для совместных развлечений, но это случалось всё реже и реже. У меня не было претензий к товарищу – сердцу не прикажешь, – однако дороги наши начали

расходиться. Потом я женился, но дружбы семьями не получилось. И вот Лидка сидит передо мною и делится своим женским счастьем, к которому я не имею никакого отношения.

– Подожди. Сколько ж мы не виделись? – спохватывается она.

– Года три, – называю самую щадящую цифру. На самом деле – уже больше пяти лет.

– У тебя телефон есть? – Лидка хватается мой мобильник и быстро набирает номер. – Я ему сейчас сюрприз устрою. Аллё. Серёга! Нет, у меня всё в порядке. Откуда-откуда... Приедешь, узнаешь. Приезжай ко мне на работу, – плаксиво просит она, показывая, как может быть покорной, но я-то знаю, что это только игра, и всё равно восхищаюсь ею: – Ну, пожалуйста. Очень надо. Приедешь – расскажу. Только поторапливайся. Нет. Секрет! Нет. Сюрприз! – и уже мне: – Сейчас увидишь.

Я не планировал встречи с давним соперником. Когда же Лидка, вся светящаяся, объявила: «Сейчас увидишь», захотелось посмотреть на него. Больше для самолюбия – кто же лучше? Сергей не заставил себя долго ждать. Я бы вряд ли так быстро приехал, – тут же отметил про себя, завидев давнего друга. Он ещё не подошёл, а уже один ноль в его пользу. Ну, не совсем уж так, скажем, я появился бы, наверное, попозже. Вовсе не потому, что меньше люблю свою жену, чем Серёга, а просто закончил бы дела и тогда приехал. Хотя, может, к Лидке и быстрее летел бы, а он. В общем, взгрустнулось. Серёга немного округлился в талии. И не то чтоб мы с ним были уж очень старыми, но Серёгины глаза светились молодостью. Я искренне обрадовался встрече. Серёга тоже не скрывал радости, но в лице его чувствовалось некоторое напряжение, впрочем, оно быстро улетучилось. Или я перестал замечать. После обмена короткими вопросами о семье, детях, о делах, наш разговор начал угасать. Лидка, взглянув на часы, заторопилась:

– Мальчики, я побежала, а то шеф убьёт. Шепчитесь. Давай собирайся со своими к нам в гости, – она махнула мне на прощанье и чмокнула мужа в щёку.

– У тебя всё в порядке? – спросил я, скорее, чтобы отвлечься от красивой походки Лидки. Как мне показалось, шла она сейчас для меня.

– В полном ажуре! – Серёга не походил на загнанного бизнесом и семьёй человека. С уходом Лиды разговор налачился. Я рассказал о семье, о детях уже подробнее. У меня, и правда, всё было в норме. Серёга профессиональным оком торговца пару раз посмотрел на меня, в моменты, когда я, по его мнению, мог завираться, но, удостоверившись в искренности, приумолк. Он слушал, прикуривая сигарету от сигареты, рассказывал о себе, но короткими вставками, и то из недавнего прошлого. Так, говоря ни о чём, мы плавно перешли на шальную нашу молодость, воспоминаниями перебивая друг друга. Меня подмывало спросить, и я всё-таки не удержался:

– Почему Лидка работает?

– Ты же знаешь её! всю жизнь рвалась на работу. Ей нужны свои деньги, общение, развеяться она хочет. Ну, и так далее – полный комплект. – Серёга махнул официанту: – Два по пятьдесят. Выпьем? За встречу? – он явно занервничал.

– Давай, – согласился я. Пить, вообще-то, не хотелось. – Но это не причина. Мало ли чего ей хочется. – Досада рвалась из груди, и я быстро опустил глаза, справляясь с эмоциями.

– Да, ладно тебе, – отмахнулся Серёга. – Пусть работает. Толя, привет! – поздоровался с кем-то Серёга. – Не стесняйся, подходи. Это мой друг детства, – представил меня Серёга. – А это Толя, товарищ по бизнесу и по совместительству – шеф моей жены.

Мы пожали друг другу руку.

– Толя, где моя взяла телефон? Мы же с тобой договорились.

– Какой телефон? – не понял тот.

– Она звонила только что.

– Серёга, не знаю, – удивился товарищ, разводя руками. – Как договаривались, всем запретил во время работы пользоваться телефонами.

– Ладно, пока. Следи там, – не скрывая недовольства, отмахнулся Серёга, и Толя, попрощавшись, ушёл.

– Это был мой телефон, – признался я. Мне стало настолько не по себе от услышанного, что я не смог скрыть своего неожиданно изменившегося настроения.

– Очень хорошо. Теперь у меня будет твой номер, – быстро нашёл Серёга и, нажимая на кнопки, занёс его в память своего мобильного. Едва он закончил, как аппарат заиграл весёлой мелодией.

– Да, зая, привет. Я тоже целую тебя, – Серёга говорил тихо, не поднимая головы. – Немного задержусь. С товарищем встретился. Давно не виделся. Нет. Просто по ходу поменялась ситуация. Нет. Всё в силе. Я скоро буду. Погуляй по магазинам. Целую.

Серёга махнул официанту, и мы выпили ещё по пятьдесят.

– Всё. На сегодня хватит, – скомандовал мой приятель, скорее себе, потому что мне таких вещей говорить не надо – я никогда не приветствовал алкоголь. – Пошли, пройдемся, – неожиданно предложил Серёга и быстро встал, бросив деньги на стол.

– У тебя завелась пассия? – прервал я молчание.

– Да, – Серёга посмотрел на меня и, громко рассмеявшись, обнял, потряс. – Всё такой же догадливый. Сам-то, небось, тоже балуешься? А? Колись!

– Серёга, разве мы с тобой когда-то обсуждали личные амурные дела? – я не принял шуточного тона бывшего друга и, оскорбившись почему-то за Лиду, не собиравшись в этот раз скрывать своего настроения.

– Знаю тебя, – погрозил пальцем захмелевший Серёга, он не замечал моего испорченного настроения. Или не хотел. Серёгу несло. Так нужно было перед кем-то раскрыться, и он воспользовался случаем, а я оказался благодарным слушателем: – Лидка сама виновата. всю дорогу пилила, что хочет работать. Что ей свобода нужна, деньги, собственно заработанные.

Всегда бегала на эти чёртовы девичники. Нет. Я, конечно, не возражал...

Мой блуждающий взгляд остановился на витрине, сквозь которую нам махала улыбающаяся Лидка. Она стояла за прилавком, словно арестованная, а Серёга продолжал исповедоваться:

– Никак не мог понять. Какие девичники, если у тебя семья, дети? – неожиданно он запнулся, тоже увидев улыбающуюся жену, махнул ей и продолжил: – Понимаешь, Саня, мы женаты уже десять лет. А-а, – Серёга махнул рукой и перевел дыхание. – А тут появилась Танюша. Красивая, молодая, интересная. Времени для неё надо много. А мы же с тобой, сам понимаешь, семейные люди. Завтракать, обедать, ужинать – дома. Выходные – дома с семьёй и детьми. В общем, так загнала меня ситуация, что разрываться приходилось. Бардак начался везде – и в семье, и с Танюшей. Чуть её не потерял. Вот уж поистине не было б счастья, так несчастье помогло. очередной скандал... мол, хочу на работу... и всё такое, расставил всё по своим местам. Я не стал возражать. Так, для проформы, посопротивлялся. Утром договорился с товарищем. Приплачиваю ему на Лидкину зарплату.

– Ещё и зарплату ей выдаёшь? – не переставал удивляться я.

– Так сказать, плачу за свободу, – рассмеялся Серёга и опять меня приобнял. – Правда, с позапрошлого месяца закончилось его пиршество.

– Почему?

– Я его жену на работу взял.

– А почему звонить запрещаешь? – спросил я.

– Это уже моё ноу-хау. Раньше-то она могла звонить в любое время. Толку, что на работе, если трезвонит каждые пять минут. Главное, по всякой ерунде. Скучает, видите ли, – покривлялся Серёга. – Сам понимаешь, надо отвечать, а то потом дома объяснений не оберёшься. Так мы с Толей договорились, что он запретит своим работникам во время рабочего дня пользоваться мобильными телефонами. Представляешь, какая свобода? – ликовал Серёга. – Жена уходит из дома в восемь утра, и до девяти вечера у тебя развязаны руки. И ни одного звонка. А главное... – Серёга поднял палец. – Она довольна!

– Как же он объяснил продавщицам свой запрет на звонки? – не переставал я удивляться.

– Это проще простого, – отмахнулся от глупого вопроса Серёга. – Я не разрешил своим продавцам пользоваться телефонами. Ирка пожаловалась Толику. Он ей подыграл и, вроде в отместку, запретил и своим, то бишь мою наказал. Лидка пожаловалась мне, а я сказал, что тоже такой порядок заведу. Теперь они радуются, что насолили друг другу. В общем, все довольны.

Я слушал Серёгу и уже другими глазами смотрел на всех этих несчастных продавщиц. На этот цветок – красивый, но уже срезанный, в вазоне. Вот уж поистине – сливки, поверхностный продукт!

Мне захотелось домой, в семью. Нет. Жена не звонила. Просто захотелось.

Фото Владимира Тыцких, г. Владивосток.

Барон **Антон Антонович Дельвиг** – русский поэт, издатель, друг и одноклассник Александра Пушкина.

Цель премии Дельвига – поддержка литераторов, чьи книги приумножают лучшие традиции и ценности классической русской, многонациональной советской и российской литературы.

23 января 2013 года в Государственном музее им. Пушкина прошло вручение премии А. Дельвига «За верность Слову и Отечеству!», учрежденной «Литературной газетой».

Награда присуждается за наиболее яркие и выразительные произведения современной русской литературы.

Обладателями «Золотого Дельвига» в этом году стали Дагестанский поэт, переводчик и публицист Магомед АХМЕДОВ, прозаик и публицист Владимир ЛИЧУТИН, прозаик Мария СЕМЕНОВА.

«Серебрянного Дельвига» получили владивостокский поэт, член Общественного совета «Литературного меридиана» Юрий КАБАНКОВ, литературовед Сергей БЕЛЯКОВ, детский писатель Юрий НЕЧИПОРЕНКО, сибиряки Владимир БЕРЯЗЕВ и Алексей ИВАНТЕР, переводчик Юрий АРХИПОВ.

Спустя месяц, 23 февраля, на праздничном заседании студии «Паруса» в Русском географическом обществе, Юрий Николаевич Кабанков, принимая искренние поздравления по случаю заслуженной награды, рассказал о своей поездке в Москву, ответил на вопросы студийцев и гостей.

Примечательно, что Юрий Кабанков уже второй человек, участник Дней славянской письменности и культуры на Дальнем Востоке, отмеченный премией Дельвига. Первой была Василина Орлова. Премию (тогда с другой формулировкой – «за лучшую книгу года» в номинации «Поэзия») она получила за книгу «Босиком», изданную во Владивостоке в программе «Народная книга». Предисловие к поэтическому сборнику В. Орловой написал Владимир ТЫЦКИХ, а редактировал книгу Вячеслав ПРОТАСОВ.

На фото: Юрий Кабанков и Эльвира Кочеткова.

Живи с оглядкой...

Иван ШЕПЕТА

г. Владивосток.

Иван Иванович родился в 1956 году в Приморье. Окончил филфак ДВГУ. Поэт. Предприниматель. Спонсор нескольких литературных проектов, главный из которых альманах «Рубеж».

Автор пяти поэтических книг. Печатался в журналах «Новый мир», «Дальний Восток», «Литературная учёба», «Советская литература» и в других – на польском, немецком, испанском и французском языках.

Член Русского ПЕН-центра и обоих писательских союзов.

Под памятником Державину

В Петрозаводске под Державиным
стоял я, завистью ужаленный:
его-то памятник заслужен,
а мой – кому он будет нужен?

Ни профсоюзному писательству,
Ни слишком частному издательству...
Стихи сегодня – вроде кражи,
Их сочиняют дети даже.

Припёрся за леса и реки
Читать стихи в библиотеке!
Потом с Крючковым* пить по чарке,
Фотографироваться в парке...

Стоял, заметьте, не икая.
Видать, внимали, не вникая...

*Павел Крючков – сотрудник журнала «Новый мир»

* * *

Она любить его не хотела,
вся такая пугливая, нервная лань,
и к утру её гибкое голое тело
каменело: «Отстань!»

Но он заводной, как припев к куплету,
что спьяну поют из последних сил:
дожал,

одержал волевою победу,
и пару голов забил.

Потом уже на своей площадке
она отыгралась по сумме встреч:
била по морде, не сняв перчатки,
когда пытался привлечь.

* * *

Ты просила прийти на могилу. Играя, просила.
Чтоб с цветами, и чтоб их слезой оросил.
У мечты есть энергия, и направленье, и сила.
Мир реальный, он требует лишь равновесия сил!

Вот и я. Вот цветы. Вот могила и слёзы.
Ты довольна, наверное, что победила в конце?
Как просила, прими от меня две колючие розы,
два пылающих символа страсти и ужас в лице!

Легко и взаимно

Литературу, женщину глупую,
в благоговении рыцарском, строгом,
я изучал, как помешанный, с лупою:
ей овладевший мне виделся богом!

Зря! Оказалась доступною девкою,
коль отрешиться от глянца и гимна,
с кем расцветает любовь однодневкою
и увядает легко и взаимно.

Мой огород

Гляжу в окно, как цветут ромашки,
Чей цвет пышнее, чем цвет картошки,
Как перепархивают со свистом пташки
Под хищным взглядом домашней кошки.

Намёк живущим: живи с оглядкой,
Свисти поменьше, летай повыше,
И дорожи своей жизнью краткой,
Хоть яркой птицы, хоть серой мыши!

А я, как раб, на горле с колодкой:
Куда уйдёшь ты с такой обузой,
Когда, как тряпка, пропитан водкой,
Не выжатый насухо доброй Музой?

Внизу посёлок, как на ладони:
Там ствол и корни большого древа,
А я живу в его хвойной кроне,
Как сердце местности, где-то слева.

И мой огород, как шедевр искусства,
Не для прокорма, хоть много стоит:
В нём зеленеет моя капуста,
Что тень Горация беспокоит.

* * *

Одинокая чайка металась у кромки залива,
будто что-то искала и верила: можно найти!
Ты сказала: «Прощай!» –

и пошла по песку торопливо,
и какое-то время с той чайкою шла по пути.

Я глядел тебе вслед. И давно уже не было следа
в тот момент, как услышал я, вздрогнув,
седой океан:
я стоял среди зимы, попрощавшийся,
кажется, с лета,
или даже с весны, погрузившись,
как берег, в туман.

«Что со мною?» – спросил у судьбы,
по возможности, трезво.
Рассмеялась! И понял я, это не скоро пройдёт...
Жизнь, как пёс приبلудившийся,
прыгает рядышком резво
и виляет хвостом дружелюбно, мол, вот же я, вот!

Но, не видя тебя, захлебнувшись вином и тоскою,
что есть жизнь? – говорю – не мечта ли она
и не бред,
коль тетрадь со стихами на прошлой странице
раскрою,
а прочесть не могу, потому что там записей нет?

Александр Васильевич, гражданину г. Петрозаводска

в прошлом руководителю очень прогрессивного народного
театра, сыгравшего неоценимую роль на заключительной,
бескровной стадии гражданской войны на Дальнем Востоке
(развал КПСС)

Собака лает. Деревянный дом.
Как с моря, тянет сыростью промозглой.
И – рифма к дому с думой о былом
Гребёт на берег лодочкой двувёслой.

Там прогрессивный в прошлом режиссёр,
Переосмысливая жизнь свою, как Герцен,
Выходит покурить к себе во двор,
Как почвенник махровый с чистым сердцем.

Кто б мне сказал, что это будет он,
Я б не поверил подлому навету,
«Единая Россия» – светлый клон
Мне не даёт быть добрым как поэту!

Жизнь заскорузла, человек устал
Грести с утра за светлую идею.
Из всех, кто был и за борт не упал,
Один лишь я по-прежнему радею.

Один лишь я за всех теперь актёр
И действую один по-идиотски,
А прогрессивный в прошлом режиссёр
Почётный гражданин в Петрозаводске.

* * *

собаки гавкают в округе,
попеременно и не в лад;
три кобеля одной подружке
о смысле жизни говорят.

* * *

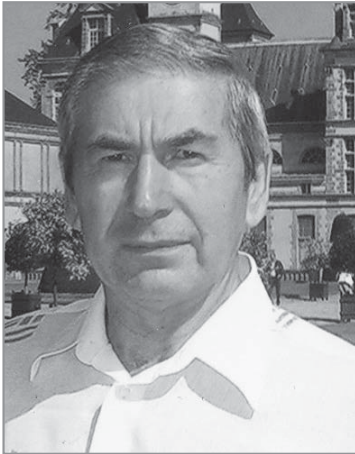
в полтинник понял окончательно,
лишь затрещала жизнь по шву,
что жить на свете замечательно,
и с удовольствием живу!

* * *

когда бы все мы стали вдруг мыслители,
не стал бы мир наш миром благоденствия,
ведь мудрецы по большей части – зрители,
а не актёры, нужные для действия.

Детский окулист

14 мая 2012 года исполнилось бы 80 лет замечательной женщине, организатору здравоохранения и детскому офтальмологу Феодосии Степановне Лихно.

Сергей НАЗАРЕНКО

г. Арсеньев
Приморского края.

Сергей Егорович – автор нескольких книг прозы и публицистики. Работает врачом-терапевтом в поликлинике города Арсеньева.

Феодосия Акулова родилась в селе с красивым удэгейским названием Нахтану Тернейского района* Приморского края.

Село окружала нетронутая человеком первозданная тайга с обилием дикоросов.

Любопытно, что шестью годами позже в Тернее родится другая девочка, которая в будущем станет так же известным в Арсеньеве врачом, акушером-гинекологом – Ирина Андреевна Бакушева.

Впрочем, полюбоваться сказочно красивой тернейской природой Феодосии не пришлось – родители вскоре после рождения дочери решили перебраться в другое место и выбрали для постоянного места жительства село Семеновку.

Здесь, в небольшом селе, отец, Степан Гурьянович, и построил дом по улице Мостовой.

Феня ходила в школу, хорошо училась и мечтала получить среднее образование. Но отец решил, что дочь должна стать медицинским работником. Так, не окончив школу, шестнадцатилетняя девушка поехала в город Ворошилов (Уссурийск) на курсы медсестер.

Через два года она получила свидетельство об окончании двухгодичной школы медицинских сестер детских учреждений и, вернувшись домой, в восемнадцать лет поступила на работу в детские ясли № 2 в качестве сменной медсестры. Детские ясли тогда принадлежали заводу «Прогресс».

Одновременно с работой девушка ходила в вечернюю школу, чтобы получить среднее образование. Мечта стать врачом не покидала ее.

В 1953 году Феня Акулова подает заявление на увольнение с работы в связи с поступлением на учебу в Благовещенский медицинский институт, который открылся только год назад.

Учиться в институте было трудно. Полгода назад умер Сталин. Арестован и находится под следствием Берия. Во главе партии стал Хрущев. Время надежд и тревог. Время полуголодной жизни и радостного ощущения молодости и бьющей через край энергии.

На ее курсе одним из студентов оказался Петр Гаврилович Степанчук – будущий замечательный хирург (хирург от Бога), спасший жизни многим арсеньевцам.

В дальнейшем они не раз будут встречаться на жизненном пути и помогать друг другу. Впрочем, в Арсеньев Акулова и Степанчук приехали вместе – Феодосия Степановна устроилась на работу в городскую больницу врачом-педиатром, Петр Гаврилович – хирургом. Принимала обоих главный врач больницы Екатерина Владимировна Аникина.

Шёл 1959 год. В один из августовских дней Феодосия Степановна возвращалась с работы домой. Неожиданно небо заволочла огромная темно-синяя туча и хлынул дождь. Акулова бросилась под козырёк одного из подъездов «сорокашки». И туда же, прячась от дождя, заскочил молодой человек, студент ДВГУ, приехавший погостить в Арсеньев к матери, Константин Тимофеевич Лихно, участник Великой Отечественной войны.

* Тернейский район – не только самый большой, но и самый «длинный», самый северный и самый заповедный в Приморье. А также самый малонаселённый. На площади 27.102 кв. км проживает около 14 тысяч человек. Железнодорожного сообщения с районом нет, регулярного морского – тоже. Добраться до «северов» можно лишь вертолётом. Зато в верховьях Самарги сохранилась почти нетронутая цивилизацией территория – наша «Земля Санникова», где до сих пор проживают в условиях, близких к природным, коренные обитатели – удэгейцы.

Случайная встреча после непродолжительного знакомства закончилась женитьбой. Но все было не так просто. Мать Феодосии Степановны по религиозным взглядам относилась к староверам и по этой причине запретила дочери выходить замуж за коммуниста. Пришлось расписаться тайно. И десятого октября 1959 года Акулова стала Лихно.

Теперь судьба Феодосии Степановны стала зависеть от мужа, вернее, его передвижений, связанных с партийной работой, – К.Т. Лихно окончил краевую партийную школу.

Не прошло и года, как партия послала Константина Тимофеевича в поселок Пограничный на должность заведующего отделом культуры райисполкома.

В Пограничном не было врача-окулиста, и Феодосию Степановну направили на специализацию по глазным болезням в краевую больницу.

В поселке Пограничный произошло важное событие в жизни семьи Лихно – родилась дочь Елена. Через год Феодосию Степановну назначили главным врачом больницы с сохранением совместительства по глазным болезням.

Три года отработала Феодосия Степановна в Пограничном и возвратилась в распоряжение Арсеньевского горздравотдела, но тут же была направлена на работу врачом-окулистом в Анучино.

Не прошло и года, как Константина Тимофеевича перевели в село Яковлевку – начальником отдела кадров в Яковлевское межрайонное управление. Феодосия Степановна – за мужем. Работала в должности окулиста в течение 5 лет, затем Ф. Лихно перевели на должность главного врача больницы. Здесь, в Яковлевке, в 1964 году родился сын Владимир.

Работая главным врачом, Ф.С. Лихно вела общественную работу, избиралась депутатом в Яковлевский районный Совет депутатов трудящихся.

Учитывая уже имеющийся опыт организаторской работы в Пограничном, Феодосия Степановна успешно справлялась с обязанностями руководителя яковлевской больницы. Но однажды в селе не стало хирурга, и главный врач решила сама делать несложные операции. И это ей удавалось. Когда же возникала ситуация, требующая более квалифицированной помощи хирургическим больным, Феодосия Степановна звонила в Арсеньев другу и сокурснику Степанчуку, и Петр Гаврилович, как бы ни был занят, в любое время суток мчался на своей машине в Яковлевку на выручку коллеге.

В 1972 году семья Лихно возвратилась в Арсеньев. Закончилась кочевая жизнь. Константина Тимофеевича направили на работу начальником отдела кадров Арсеньевторга, насчитывающего в то время до тысячи человек. Феодосия Степановна, отдав сельскому здравоохранению (Пограничный – Анучино – Яковлевка) более десяти лет, устроилась в детскую больницу по своей основной профессии – детским окулистом.

Она была уникальным специалистом – врачом-педиатром и в то же время врачом-офтальмологом, причем детским.

Феодосия Степановна ЛИХНО.

Феодосия Степановна Лихно прошла несколько специализаций по глазным болезням, начиная с глазного отделения краевой больницы в 1960-1961 годах и заканчивая учебой в Московском НИИ глазных болезней имени Гельмгольца на цикле «Новое в лечении заболеваний органа зрения у детей» в 1986 году. На этом цикле она освоила новые методы исследования и лечения в детской офтальмологии. Кроме того, она участвовала в IV Всесоюзном съезде офтальмологов в сентябре 1973 года, который проходил в Киеве.

В детской больнице города Арсеньева Феодосия Степановна проработала последние 20 лет. За эти годы получила бесчисленное количество грамот и благодарностей, заслужила уважение у маленьких пациентов и их родителей, а также у коллег. Ф.С. Лихно наградили медалями «За добросовестный труд» и «За трудовую доблесть».

В 60 лет Феодосия Степановна ушла на пенсию и посвятила последующие 10 лет воспитанию внуков Ксении и Дениса, помогая дочери Елене Константиновне, работавшей психологом в системе образования.

Сын Владимир выбрал военную профессию, воевал в Афганистане, служил в различных воинских частях и в звании полковника вышел в отставку.

22 сентября 2002 года тяжелая болезнь оборвала жизнь удивительного врача Феодосии Степановны Лихно. Ее нет с нами уже 10 лет. За это время выросли внуки. Ксения Александровна закончила с отличием Российский Государственный Гуманитарный Университет в Москве по специальности «психология» и в настоящее время работает заместителем главы города Арсеньева по социальным вопросам. Ее муж – офицер ФСБ, служит в городе Вяземске Хабаровского края. У них год назад родился сын – правнук Феодосии Степановны.

Внук Денис Александрович – тренер-преподаватель детской спортивной школы «Юность», кандидат в мастера спорта по пауэрлифтингу.

Третья внучка Настя (дочь Владимира Константиновича) проживает в Москве, юрист.

Таковыми внуками гордилась бы Феодосия Степановна, а город помнит своего детского врача-окулиста.

Голубой шарф

Татьяна ЭДЭН

г. Нью-Йорк, США.

Круизный тихоокеанский лайнер плавно парил по волнам. Небо сливалось с морем, и синева обтекала корабль как марево летнего дня. Он шествовал гордо, неся на своих плечах пассажиров, которые решили насладиться ветром странствий. Это был настоящий плавучий город со своими бассейнами, театром, ресторанами и барами. Каждый мог найти здесь занятие по душе и, оторвавшись от суматошной жизни больших и малых городов, предаться отдыху и мечтам. На нижней палубе гуляла молодая пара с маленьким мальчиком. Стройный высокий мужчина, голубоглазый и светловолосый, в белой шелковой футболке и светлых полотняных брюках, держал за руку малыша, о чем-то нежно беседуя со своей спутницей. Женщина была одета в длинный белый сарафан из тонкой льняной ткани, украшенной кружевами ручной работы. Ее тонкий стан обнимал пояс, как будто сотканный из голубых васильков. Запястье узкой руки перехватывала широкая витая лента с такими же васильками. Дополняла наряд широкополая шляпа, перевязанная длинным голубым шарфом, развевающимся при любом колебании воздуха. Женщину звали Мэри. Ее темно-карие глаза, тяжелая волна каштановых волос, изумительной красоты шея, высокая грудь и пухлые губы приковывали взоры всех мужчин. Однако ее глаза неотрывно следили за мужчиной, идущим рядом и за мальчиком, их сыном. Она никого не видела кроме них и не хотела видеть. Весь мир для нее заключался в этих двух людях. Слишком долго она ждала такой минуты. Своего милого мужа Дэвида она любила с детства. Они жили по соседству, играли, учились, познавали мир, росли и взрослели вместе. Ей всегда казалось, что она и родилась на этот свет только для того, чтобы стать женой Дэвида и рожать ему детей. Юноша же рос обычным, далеко не сентиментальным парнем. И, несмотря на хорошее воспитание, его подруге иногда доставалось «на орехи». Он мог произнести какую-то фразу, больно ранящую девушку, даже не заметив этого. Она ревела в подушку за закрытой дверью, а потом выходила с гордо поднятым носиком, простив все его резкости. Так что ему не приходилось оправдываться перед ней или бояться совершить какой-то неверный поступок. Таким образом, они всегда оставались идеальными друзьями. Когда детская пора миновала, их дружба плавно переросла в большое чувство. Оба стремились получить хорошее образование. Каждый выбрал себе профессию по душе. Дэвид стал адвокатом и получил практику. Мэри же закончила университет и работала искусствоведом. Их счастливый брак длился уже более семи лет, однако долгожданный ребенок появился лишь через несколько лет брака. С самого момента появления маленький Джонатан занимал все мысли молодой пары. Так же как в его первые месяцы они не могли налюбоваться на ручки-ножки, носик и лобик, так и теперь они радовались его рассуждениям, его вопросам, его смешным ответам. Только втроем им было действительно хорошо и уютно, где бы они не находились. Когда Дэвид предложил Мэри совершить морской круиз, то вопрос о том, брать ли с собой Джонатана, даже не стоял. Они могли существовать только вместе. На третий день путешествия погода стояла совершенно такая, о которой можно только мечтать. Солнце и легкий бриз позволяли вдоволь насладиться купанием в бассейне. К вечеру, когда ребенок уже проснулся,

они подкрепились и решили спуститься на нижнюю палубу, полюбоваться стаей дельфинов, вынырнувшей вдруг из морской пучины. Дэвид взял сына на руки. Они смеялись, махали руками и кричали какие-то слова, подбадривая животных. Совсем близко к борту плыл дельфин с темным пятном на лбу. Он то выбрасывался высоко в воздух, то пропадал в глубине. За ним следовала стая из пяти дельфинов. Они совершали немыслимые прыжки, брызги летели и сверкали на солнце. Невиданное прежде зрелище завораживало. Джонатан кричал что-то дельфинам на своем детском языке и махал ручками. Внезапно, он отшатнулся от отца, и в этот миг могучая сила выбросила его за борт. Мэри вскричала так, что от ее крика у людей, услышавших этот вопль отчаяния, заледенела кровь в жилах. Несколько матросов тут же бросились за борт. Они ныряли, показывались на поверхности воды, и снова уходили под воду. Ребенка никто не мог обнаружить. Дэвид тоже рванул к перилам, но его удержали сразу несколько человек. Боцман сказал, что здесь непростое течение, с которым обычный рядовой пловец не сумеет справиться. Оставалось надеяться только на проворность матросов. Мэри потеряла сознание. Ее шляпа упала с головы, а голубой шарф развеялся на ветру словно флаг, который просил о помощи. Секунды казались часами, минуты бесконечностью. Вдруг на поверхности воды показался дельфин с черной отметиной на лбу. Он нес на спине мальчика. Тут же несколько матросов подплыли к нему, взяли ребенка и передали на корабль.

– Мэри, родная, очнись, наш сын жив. Прости меня,

прости... Сможешь ли ты простить меня? – воскликнул отец спасенного малыша. Женщина поднялась и блуждающим взглядом охватила рыдающего мужа, потом бледного, но уже открывшего глаза ребенка.

– Кто? Кто спас моего сына? – выдохнула чуть слышно леди.

– Это тот дельфин с пятном на лбу, – ответили ей с палубы. Она вскочила и ринулась к перилам, придерживая рукой шляпу, готовую сорваться с головы и умчаться вдаль по воле морского ветра. Дельфин плыл рядом, изредка выпрыгивая из воды, чтобы показать свою радость. Мэри сняла шляпу и помахала ею. Слезы радости и глубокой благодарности застилали ее глаза. Неожиданно порыв ветра сорвал шарф, и он голубой дымкой полетел в воду. Дельфин бросился навстречу и порыв ветра набросил шарф на его мокрый плавник. Женщина засмеялась:

– Спасибо тебе, милый дельфин. Я тебя никогда не забуду. Пусть этот голубой шарф станет подарком тебе. Дельфин замотал головой, словно понял слова женщины, и поплыл в сторону. Через несколько мгновений он поравнялся с другим дельфином. Наверно, это была его подруга, потому что они поплыли бок о бок, покачивая головами и издавая какие-то ласковые звуки. Выпрыгнув из воды, они взлетели в воздух и будто замерли на мгновение над бирюзовой равниной моря. Наблюдавшим с борта корабля людям показалось, что голубой шарф чудесным образом оказался на крыле подруги дельфина-спасателя. Через минуту дельфины в последний раз подплыли к лайнеру, словно прощаясь, а потом растаяли в морской глубине.

Бухта Суходол (Приморский край). Фото Геннадия БОГДАНОВА, Хабаровский край.

Как я побывал в Греции

**Николай
БЕРЕЗОВСКИЙ**

г. Омск.

Николай Васильевич родился в 1951 году на Сахалине. Работал в геологоразведке, на заводе, в газетах. Окончил Литературный институт им. Горького. Публиковался в журналах «Юность», «Октябрь», «Уральский следопыт», «Сибирские огни» и др. Автор ряда книг прозы, стихов, публицистики и критики. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

На днях я побывал в Греции, не выходя из дома. Ступить на эту благословенную землю – плод любви богини земледелия Деметры и бога моря Посейдона – помог фотоальбом «В стране героев и богов» известного сибирского фотохудожника и общественного деятеля Аркадия Елфимова

Авторскими фотоальбомами Аркадий Елфимов не обделён. В прошлом году, к примеру, увидели свет сразу четыре с его семьей на обложках, и один из них, о «священном море» – озере Байкал, «прокомментирован» текстами Валентина Распутина и Валентина Курбатова. «В стране героев и богов» – десятый в творческом багаже мастера запечатлеть прекрасные мгновения. И представляет его не только как профессионала, виртуозно владеющего камерой, но и как серьёзного путешественника, увлекательного рассказчика, знатока древнегреческих мифов и русской литературы, а ещё публициста и патриота своей страны и малой родины – Тобольска. Но удивительно, что именно Греция – древняя и современная, божественная и земная, поэтическая и будничная, увиденная через искатель фотообъектива, – прямо-таки понудила сибиряка задуматься о судьбе России в путевых заметках, без каких, наверное, юбилейный его фотоальбом оказался бы пусть блистательно исполненным полиграфически, но всё же просто путеводителем из серии «Я здесь был...».

Посетить «страну любви, моря и солнца», по признанию автора, была давней и сокровенной мечтой его семьи (с супругой Ольгой они воспитывают четверых детей – Лизу, Кирилла, Петра и Павла). И, казалось бы, после пятичасового полёта из Тюмени в Салоники, уже на легендарной греческой земле, стоило ли вспоминать про то, что «у нас не так»? Но, видимо, боль за своё, родное, дорогое и близкое даже за морями-океанами не даёт Елфимову покоя, заставляет его проводить аналогии, искать сравнения, делать обобщения...

Восхищаясь тем, что в Греции национальный флаг, «как свидетельство душевной чистоты местных жителей», вознесён не только над государственными учреждениями, но и над жилыми постройками, тем, как трепетно греки относятся к древним памятникам и ко всему «эллинскому», Аркадий Елфимов в заметках, «иллюстрирующих» фотоиллюстрации, то и дело проводит параллели с отношением в родном ему городе к «отеческим гробам». Вспоминает, скажем, сколько усилий стоило ему, чтобы в Тобольске переименовали, наконец, улицу имени Клары Цеткин в честь Семёна Ульяновича Ремизова, строителя Тобольского кремля, и как по сей день не удаётся вернуть улице имени Розы Люксембург исторический топоним – Богоявленская (по Богоявленской церкви, разрушенной до основания в 1949 году). А ведь под её сводами венчался Пётр Павлович Ершов, и в ней же крестили Дмитрия Ивановича Менделеева...

Делясь впечатлениями от экскурсии в Салоники (древнее название – Фессалоники), откуда родом, между прочим, Кирилл и Мефодий, Елфимов, поведав о христианском подвиге святого покровителя города Дмитрия Солунского, замечает, что с его именем связаны и первые страницы русских летописей: «Именно Дмитрия Солунского избрал Ермак Тимофеевич своим небесным покровителем». И тут же сожалеет, что зодчий Семён Ремизов не успел увековечить в Тобольске память о святом великомученике, прославившем в III веке на землях далёкой

Фессалоники Иисуса Христа, и покорителе Сибири собором. Но, может, ему, Елфимову, удастся возвести хотя бы часовню их имён в парке, который он разбивает «на пяти гектарах Тобольской земли»...

От автора. Аркадий Григорьевич Елфимов родился в 1950 году в Тюмени. После окончания Тюменского инженерно-строительного института был направлен на строительство нефтехимического комплекса в Тобольске. Работал главным инженером, начальником управления по строительству объектов социального и культурного назначения, начальником домостроительного комбината. В 1980-е годы – глава горисполкома (по-нынешнему – мэр) Тобольска. С 1994-го – председатель президиума общественного фонда «Возрождение Тобольска». Член Союза фотохудожников России. Персональные выставки А.Г. Елфимова с успехом проходили и проходят не только в градах и весях «от Москвы до самых до окраин», но и за пределами Отечества.

Такая «переключка» – Греция-Россия-Тобольск – рассыпана по всему 70-страничному тексту путевых заметок. И эти «экскурсы» с греческой земли на российскую почву читаются на одном дыхании, они очень стройно, логично и уместно вписываются в повествование путешественника. Точно также, к слову, органично и по делу Елфимов цитирует в своих заметках фрагменты из исторических хроник и летописей, высказывания известных философов и историков, стихи русских классиков и речи проповедников. И автора можно понять: нельзя обойтись в рассказе о Парфеноне без строчек из одноименного стихотворения Дмитрия Мережковского или описаний блистательного историка античной литературы Михаила Гаспарова!

Рассказывая о своём знакомстве с Грецией, тобольский фотохудожник, талантливый и в словесности, увлекается не только историческими экскурсами и географическими «параллелями», но и делает серьёзные публицистические отступления. Например, «цепляют» за большое его мысли о патриотизме, когда он раскрывает истинный смысл фразы «Патриотизм – последнее прибежище негодяев», толкуя её не в общепринятом значении презрения к этому великому чувству гражданственности, а как возможность спасти свои души тем, кто охаивал или предавал Родину, проповедовал идеи космополитизма. То есть патриотизм, когда он становится прибежищем и для негодяев, это – «последний шанс морально возродиться, оправдать свою жизнь», – пишет Елфимов. В этом же формате, выражаясь по-нынешнему, и его оценка меценатства и меценатов, для которых историческая память – не пустой звук. Он остаётся в теме, рассуждая даже об экономических проблемах в «преддефолтной» стране, об отношениях Греции с кредиторами из Евросоюза. Елфимов признаёт, что «есть, конечно, греки богатые», но не настолько, как российские сверхбогачи, именуемые олигархами. А «олигарх», напоминает он, – слово древнегреческое, античные философы употребляли его в значении «власть богатых».

А затем цитирует Аристотеля (!): «В олигархии таятся зародыши двоякого рода неурядиц: раздоры олигархов друг с другом и, кроме того, нелады их с народом; в демократиях же встречается только один вид возмущений – именно возмущение против олигархии; сам против себя народ бунтовать не станет».

В путевых заметках Аркадия Елфимова много интересных наблюдений из тех, что «не в бровь, а в глаз». Тонко и точно подметить особенности жизни местного населения, их нравы, обычаи, согласитесь, дано не каждому. Подкупает, к примеру, такой его вердикт о жителях страны героев и богов: «Греки – гордый, самодушный народ; бедный, но гордый... При всём том греки отличаются безмятежно-философским отношением к жизни. На окружающую действительность греки смотрят просто и с удовольствием. Они относятся к той категории людей, которые видят стакан наполовину полным, тогда как мы – наполовину пустым...». Что тут скажешь? – всё познаётся в сравнении!

Понятно, как и в любых путевых заметках, Елфимов уделяет особое внимание достопримечательностям – архитектурным, культурным, историческим памятникам Греции. Ведь ему удалось не только увидеть их воочию, но и запечатлеть на свою цифровую камеру. Серия великолепных панорамных видов посвящена, скажем, «городу из скал» – Метеорам с его христианскими монастырями, построенными в XIV веке на гигантских обрывистых скалах и устремлённых в небо. Метеоры (в переводе с греческого – «парящий в воздухе») и по сей день остаются загадкой, вызывая, по утверждению автора, «непередаваемое чувство, соединяющее в себе одновременно страх и восхищение». Что правда, поскольку и я проникся таким же чувством, когда всматривался в эти снимки. Титанический труд проделали богомольцы, селившиеся в скитах и пещерных молельнях, прежде чем на скалах высотой 400–600 метров появились монастыри и храмы с уникальными росписями, фресками, иконами! Да уж, здесь нельзя не согласиться с Елфимовым, что в таких заповедных, святых местах даже «фотоаппарат в руках служит не столько для фиксации окружающих тебя красот – панорам и видов, сколько становится инструментом познания»...

Вот и в Афинах, которые большинство из нас считает всего лишь городом-музеем, Аркадий Елфимов успевает увидеть через объектив не только археологические древности в Музее Акрополя, но и огромный мегаполис, где «античные постройки причудливо соседствуют с вполне заштатными бетонными высотками и современными хай-тековскими «стекляшками», царственные базилики (дома) контрастируют с перегруженными рекламой громадами супермаркетов». Взгляд фотохудожника замечает не только «вечные красоты» и «мировые ценности», но и сиюминутные радости простых людей: слившуюся в поцелуе парочку, малыша на велосипеде, отдыхающих на пляже, официанта в вечернем кафе.

«Грецию нужно ощутить душой, пустить её в своё сердце, чтобы полюбить навсегда», – признаётся

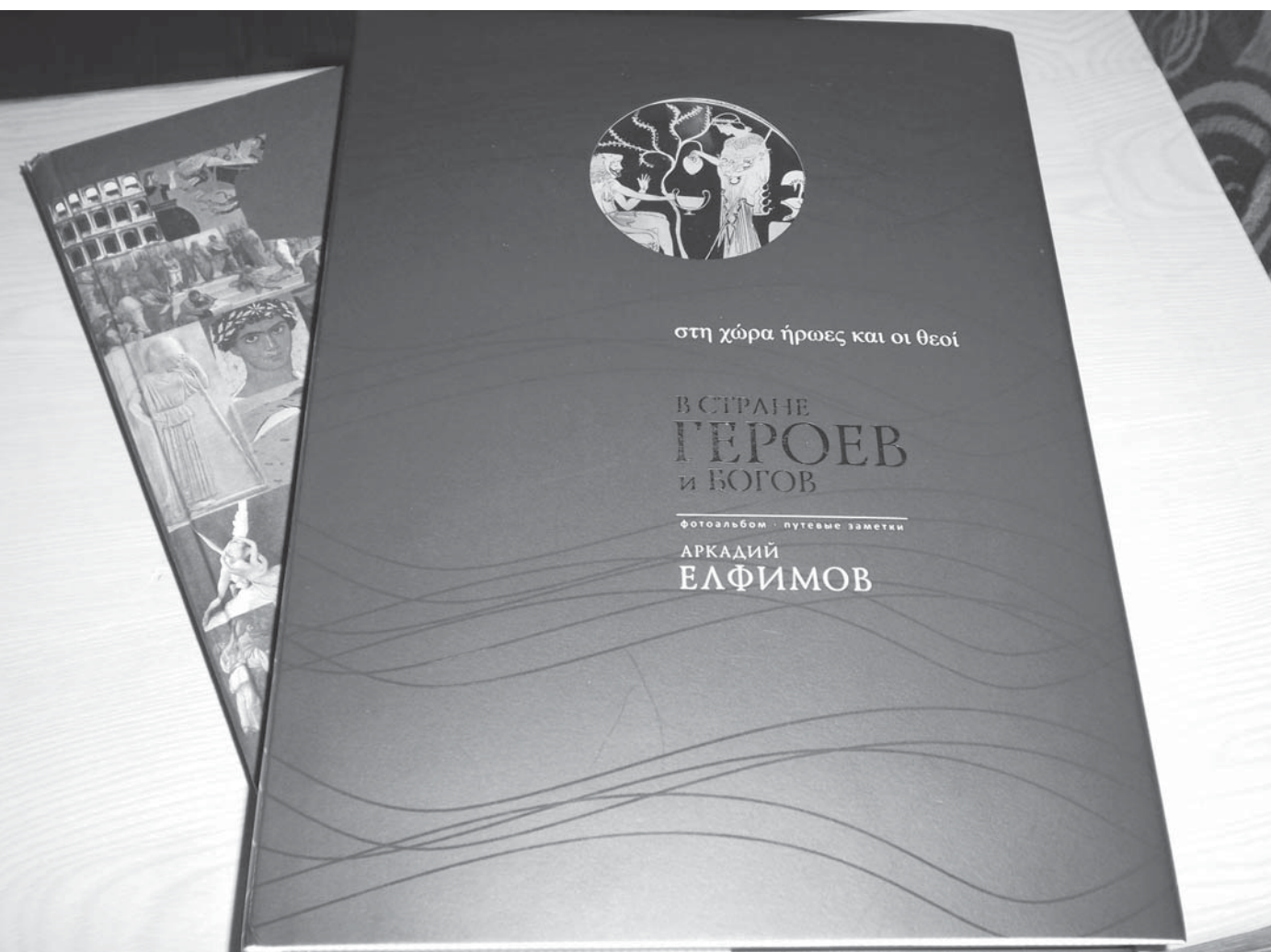
Елфимов в своем путевом дневнике. Полюбить так, чтобы, покидая эту страну, не оставило желание обязательно вернуться. И волею судьбы ему такой случай представился: в сентябре 2011 года он вновь летит в Грецию – на этот раз для участия в «Русских днях на Лемносе». И во второй части книги «В стране героев и богов» Аркадий Григорьевич рассказывает о том, что связывает этот греческий остров, на который, по мифам, Зевс во время ссоры сбросил с небес своего сына Гефеста (бога-кузнеца, рожденного от Геры), с Россией.

А связывает многое, начиная с кладбищ, на которых упокоено немало русских. Ещё с Русско-турецкой войны 1768–1774 годов. Тогда со средиземноморской эскадры графа Алексея Орлова на Лемнос был высажен десант, после нескольких месяцев блокады овладевший крепостью Кастро, а затем разгромивший десант турецкий под Мудросом. Но без подкреплений Лемнос всё же пришлось оставить. «И турецкая армия, – горько пишет Елфимов, – учинила над греками кровавую резню». Не забыли на острове и о моряках

русской эскадры вице-адмирала Дмитрия Сенявина, в начале XIX века помогавшим греческому народу бороться за национальную и государственную независимость. В 2004 году в честь экипажей кораблей обеих эскадр в городе Мирины был открыт памятник, а на русском погосте на мысе Пунда попечительским советом Новоспасского мужского монастыря установлен трёхметровый мраморный крест...

Вглядываясь в снимки фотоальбома, проникаясь текстом в его корпусе, начинаешь, право, теряться – текст ли «подкрепляет» уникальный фотоматериал или наоборот? Наверное, этот вопрос чисто риторический, и на него вряд ли определённо ответит и автор фолианта «В стране героев и богов».

«Страной героев и богов» назвал Грецию в одном из своих стихотворений великий русский поэт Александр Пушкин. И нынешней России, убежден Аркадий Елфимов, необходимы сейчас собственные герои и боги, чтобы избежать социальных потрясений и междоусобицы, чтобы сохранить территориальную целостность и родной язык.

На снимке: обложка книги-фотоальбома «В стране героев и богов».

Аркадий Елфимов. «В стране героев и богов». Фотоальбом. Путевые заметки. Макет, оформление, составление, прогресс: Иван Лукьянов. Тобольск: издательский отдел общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». 2012 г. 288 стр. Коллекционное издание – 100 нумерованных экземпляров.

Таёжные были

Виктор ДЕБЕЛОВ

г. Арсеньев
Приморского края.

Виктор Андреевич – журналист, автор нескольких книг стихотворений и прозы. Печатался в ряде приморских краевых и дальневосточных изданий. Почетный житель г. Арсеньева.

Тигр-патриот

Идет Михалыч по тайге с двумя собаками-лайками. Снег под ногами похрустывает. Уже с неделю охотится на косулю, да, как на грех, не случается встретиться с ней. Вот и подумывать стал: а ведь «сгорит» лицензия на отстрел парнокопытного...

Вдруг собаки, как по команде, бросились Михалычу в ноги. Он идет, а они ни на шаг в сторону. Ни на шаг вперед или назад. Будто их привязали. А тут и хруст валежника позади раздался. В каких-нибудь 40–50 метрах. Раз собаки к ногам, значит тигр их пасет, решает Михалыч. Нет для них в тайге опаснее врага, чем эта здоровенная полосатая кошка.

Между тем, хоть и зима, а в густом хвойном лесу и за десяток метров ничего не увидишь. Треск все ближе, все явственнее. Стало быть, не боится тигр человека, всерьез намерен получить добычу из собачатины. Тут ему мешать – себе дороже.

Как же, размышляет Михалыч, и самому не попасть тигру в пасть, и собак сбереечь? Жалко Полкана да Жучку. Просто по-человечески жалко. К тому же опытные в тайге его собаки, натасканные хоть на барсука, хоть на медведя. На что ни один год ушло работы с ними.

Чувствует Михалыч, как страх все сильнее сковывает его, как ноги будто ватными становятся. Ружье снимать – опять же себе дороже в такой ситуации. Тигр раньше в три-четыре прыжка подомнет его под себя.

И вдруг... Михалыч запел. И как это пришло ему на ум, до сих пор, спустя многие годы, не понимает. Тем более не может объяснить, почему пел именно патриотические песни. Начал с гимна России:

Россия – священная наша держава!

Россия – любимая наша страна!..

Потом из его глотки пошла «Широка страна моя родная»...

Идет Михалыч в основном задом наперед, во всю глотку давая этот патриотический концерт хозяину Уссурийской тайги. Благо, певец он отменный, даже в районном хоре пел. Идет под сопровождающий его хруст валежин и кустарника, под тигриный недовольный рык – похоже, тигру ой как собачатины хочется.

«Знаете, каким он парнем был?»

«Если б знали вы, как мне дороги...»

И прочее. Причем, допевая одну песню, вспоминает слова очередной. Собаки по-прежнему ни на шаг. Правда, и не скулят, марку свою охотничью держат.

И сколько времени, думаете, так драл глотку без перерыва Михалыч? А целых полтора часа. Вот уж, слава богу, заветный волок объявился, выходит, до большака осталось около трехсот метров. Даже гул автомобильных моторов послышался. Под его нарастание Михалыч на радостях снова вернулся к гимну России:

От южных морей до полярного края

Раскинулись наши леса и поля.

Одна ты на свете! Одна ты такая,

Хранимая Богом родная земля!

Последние метры оставались до шоссе, когда Михалыч, убедившись,

что тигр прекратил свою охоту, позволил себе вернуться лицом к дороге. Тут и собаки осмелели, вперед хозяина выскочили на большак. Сел Михалыч устало на спущенный со спины рюкзак с запасной одеждой да с нехитрым охотничьим снадобьем. Передохнул и двинулся обратно к родной деревне. Уже не напрямик тропкой лесной короткой, где тигр пасется, а многоверстным большаком. Впереди собаки по обочине трусят – кто же из водил Михалыча с ними возьмет? Тоже едва переставляют лапы, виновато хвостами машут: эх, мол, хозяин, чуть из-за нас ты не пострадал...

Пришел домой, ничего жене сказать не получается. Только взмахи рук, изображающие огромного невидимого зверину, только сильные хрипы из горла вырываются. Доконал его глотку полуторачасовой концерт во спасение себя и любимых собак на яром морозце.

Ничего, после малиновки да перцовки на другой день заговорил...

Сказал:

– Спасибо тигру – не съел! Тоже, наверное, патриотом России оказался – полтора часа слушал мои патриотические песни...

Тигриный обед

Сразу три пасеки расположились на этом «тачке». Июль – лучшая пора медоносов. Лес благоухает дурманым липовым цветом. А вблизи на подходе еще и поле гречишное, словно туманом землю окутавшее, готовое пчелкам и пчеловодам хлопот добавившее. Словом, работать тем и другим да работать.

У мужиков обед. Михалыч и Петрович большой стол из струганых дубовых досок накрывают, а Степаныч за охлаждающейся медовухой с собакой в ручей подался.

На столе суп из дичи – рябчика подстрелили, огурцы, редис, буханка хлеба. Как положено – три прибора, три железных кружки. На костре чай, заваренный лесными травами, дозревает.

На растущем рядом со столом дубке висят ружья. Хоть и не сезон, но без ружья в лесу нельзя. В нем спасение хоть от лютого зверя, хоть от лихого человека. Да и спокойнее так оно в лесу.

– Что-то задерживается Степаныч, – забеспокоился Михалыч. – У нас ведь уже все готово. Суп разлит, хлеб нарезан, осталось только чарки налить.

А вот и Степаныч. Кажется, уже приложился к бутылки с медовухой. Идет, облизывается, рот рукой вытирает. Рядом белобокий Казбек с в спираль завитым хвостом – с Кавказа лайку еще щенком привезли в Приморье.

Уселись мужики за стол, медовуху по кружкам разлили да и пивнули слегка. Чего по полной прикладываться днем-то, в разгар работы? Это удовольствие на ночь положено.

Пропустили по малой, редиской закусили, к мискам с супом потянулись. Похлебали юшки, косточки

рябчика Казбеку бросили. Тот за костку – и в лес. Наверное, в тени где-то решил свою трапезу справиться.

Разнежились мужики, разговоры меж собой повели. О том, о сем. Вдруг видят – летит к ним стрелой скулящий от страха Казбек. За ним – тигр. Все произошло так стремительно, что никто даже и не подумал о ружьях. Собака шмыгнула под стол, но и тигр не отстал. Одним ударом вывернул ближайшую скамейку, выгреб из-под стола лапой Казбека, за шкирку его и, довольно урча, понес в лес.

Долго еще мужики приходили в себя.

– Кажется, живые, – наконец вымолвил Михалыч. – А Казбека давайте помянем. Царство ему небесное...

Как Михалыч с медведицей поладил

Идет Михалыч с дочерью Аней и племянником Колей по грибы. Аня – одиннадцатиклассница, в трико, поверх юбка джинсовая с карманами. А одетый в самошитую штормовку десятилетний Колька щеголяет плетеным лукошком. Первый раз пошел по грибы.

У детей ножи-складыши, у Михалыча фирменный охотничий нож на ремне. А вот и балок грибной, где появились первые подосиновики, подберезовики. Еще метров двести по едва заметной дорожке пройти.

Не случилось. Из лесу прямо под ноги к ним выскочил медвежонок. С колобок. Месяца, пожалуй, на четыре. Становится на задние лапы, играть норовит с детьми. А тем – интересно. Поглаживать его стали, слова ласковые наговаривать. Однако Михалыч лесовик опытный. Раз есть медвежонок, будет и медведица в ее родительском гневе.

Привлек к себе Михалыч детей, приказывает:

– Ни на шаг от меня. Стоять рядом, что бы ни случилось – сейчас медведица объявится. Но если между нами будет драка, убегайте в сторону дома. Аня, все поняла?

– Да, папа, а как же ты?

– Поняла? – тихо переспросил Михалыч.

Аня молча кивнула.

А тут и она, медведица. С белым галстуком на груди – гималайка. Слава богу, не бурый медведь. Надвигается на задних лапах на Михалыча с его выводком. Ощерилась, клыки выставила, рычит потихоньку. И выходит, что против ее мощи и смертельных клыков у Михалыча только нож. А медвежонок, как на зло, не отстает от детей, посапывает, вертится юлой около них. Что-то, возможно, внутренний голос, заставило медведицу остановиться буквально в трех-четырёх шагах от людей.

И тогда Михалыч повел сней переговоры. Не махая руками и, как учили, не глядя медведице в глаза, а опустив голову посматривая на нее

исподлобья, чистым русским языком стал внушать ей:

– Послушай меня! У тебя ребенок – и у меня дети. Ну станем драться с тобой, поубиваем друг друга, а кто детей будет кормить-воспитывать? Забирай своего и уходи.

Сам же в это время рукоятку ножа нащупывает, поскольку знает, что если медведица с детенышем встречается с людьми, то миром трудно разойтись. И если набросится – вряд ли с одним ножом ее одолеть. Разве что живот удастся распороть. Тут медведи обычно начинают спасать себя, вталкивая внутренности обратно.

Но медведица... прислушалась. Смотрела-смотрела на действия своего несмышленища да вдруг как рывкнет на него. Малый коlobком к ней. А дальше все как у людей. Схлопотал медвежонок подзатыльника, взвыл от боли и поковылял вслед за уходящей в лес медведицей. Удались-таки Михалычу переговоры с ней.

Оглянулся, дух перевел, а за спиной трагикомическая картина. Дети молодцы: выполнили его приказ. Но в какой безмолвной позе застыли!

У Ани глаза закрыты руками. Пацан ухватился за юбку девушки, уткнулся в нее лицом да так и стоит. Подошел к ним Михалыч, обнял. У одной еле-еле ладони от глаз оторвал, другого из юбки высвободил. И говорит Кольке:

– Да, скажи спасибо юбочке Аниной – вот она и спасла всех нас от медведицы.

А ведь, наверное, ничуть не шутил Михалыч. Побежал бы от страха Колька, за ним медвежонок – неизвестно, чем бы дело закончилось. Хорошо, что зарылся в юбку-спасительницу дочери.

Бурый алкаш

В самом разгаре дела медосборные. Жужжат пчелки, продукт целебный в улики закачивают. Пасека большая, на три хозяина. Пчела она ведь тоже с устатку попить хочет. Вот и установлено корыто с сахарным сиропом – пей, родимая!

Да повадился медведь к этому корыту наведываться. Как ночь наступает, люди спать улягутся, он тут как тут. Вылакает весь сироп, тем и заставляет наводить новый. А пасечникам что – больше делать нечего, как медведя кормить-поить? Да и сахар ведь не дешевый, так и в трубу вылететь можно.

Решили мужики мишку проучить. Вытащили вечером к корыту два ведра медовушной браги, ведро залили в корыто, а на другое покупились. Спать пошли в избушку, оставив его на природе.

А утром картина предстала следующая. У корыта вальяжно разлегся Потапыч. Вылакал без остатка всю брагу, что была в корыте, да, видно, мало показалось. Из другой емкости пол-ведерка добавил. Тут его хмель и одолел. Да так, что на вторую половину ведерка сил уже не хватило.

Боязливо подошли мужики к Потапычу – и глаза не открыл. По морде его похлопали, а он не реагирует.

Тут и пришла им идея мести. Да такой, чтобы неподовно было ему больше сироп изводить.

– Обреем его, – предложил самый старший годами пасечник Иван Сиреневый. – Сам себя не узнает!

В двое ножниц взялись за дело. Третий помогает. Выстригли мех на груди, шее, брюхе и поверху на лапах. Смешной такой мишка стриженный оказался, можно сказать, только морда медвежья и осталась. Даже жалко мужикам зверя стало, опечалились над содеянным. Однако дело сделано, осталось ждать эффекта рукотворного.

День разгорается, работа спорится, а медведь все лежит, сладко так посапывает. Но вот в себя приходит стал. То лапой усевшуюся на нос пчелу смахнет, то почесет себя в месте укуса овода. И вот уже потянулся спросонья, сел на пятую точку. Смотрит на свои обкрыженные лапы, на свой живот – ничего не понимает. Давай щупать себя, но только одну шкуру и нащупывает. Вскочил с земли, дико озирается, не понимая, что же это с ним случилось. Пришел на пасеку медведь-медведем, а кем уходит? А что, поди думает, скажут таежные сородичи?

Горько взвыл медведь, идет в лес, слезы лапами вытирает. Ну как человек прямо. И мужики чуть не плачут, не ожидали такого обидного для мишки эффекта обреза.

Но зато больше не ходок был Потапыч на пасеку. То ли убоился новых козней от пчеловодов, то ли мех все лето в своей берлоге отрачивал, чтобы сородичи вопросов не задавали.

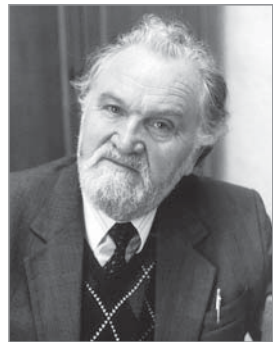
Фото из архива автора.

Зимовка в устье реки Большой

Александр ЕГОРОВ

г. Владивосток.

* * *

1. если ночи длинней
самой длинной тени,
и морозы сильнее
полярной стужи,
запредельно готов стоять
на коленях,
понимая, что ты никому
не нужен,
всё же, веря своей
забубённой доле,
и зимовку приняв
за судьбы оковы,
ощущая себя мореходом
Толем,
легендарным Врангелем,
Сибиряковым,
подчиняясь аскезе
в полярных нетях,
всякой всячины, лиха
отведав вдосталь,
обойдя все ловитвы успешно
и сети,
если выстою, – даст Бог –
жить буду до ста,
далеко от начальства и злых
законов,
ещё дальше – от дружеских
кривотолков.
ледяная дверь служит зимой –
иконой,
а адреналином – поющие волки,
не бывает здесь праздников
и не буден,
в подчинение только самой
природе,
счастья здесь не прибывает
и не убывает,
только противостояние погоде,

про халву, засыпая,
твержу стократно,
от цинги спасаюсь запасом
копальки,
шизанутым Сенекой
или Сократом,
постараюсь уйти
от трагической кальки,
ни кинжала, ни яда здесь
не достанешь,
и разминешься ли
с ременной удавкой...
то поборы достанут
похлеще дани,
как работа за хлеб всю жизнь
на полставки,
катехизисом, ясно,
будет бесхлебье,
дует в уши: борец,
сохранишь ли вены?
По весне увидишь птичьё
великолепье,
лишь тогда и признают
аборигены,
исповедаться станешь
коньку морскому,
бивню мамонта, каюру ли,
шаману,
или портрету голубого наркома,
дорогим вождам
за небесную манну...
за возможность скитаться
по побережью,
в дальних бухтах выискивая
сусеки,
про родню вспоминая
всё реже и реже,
но зато ощущая себя Гобсеком,
дескать, вдосталь юколы,
жира и соли,

чешуи сельдяной и голов
собачьих,
для поддержки штанов
прищешь фасоли
и сварганишь, по случаю,
щей горячих,
уцелеешь, – поздравим тебя
весною,
удивим первозданной
апрельской шуткой.
Будь уверен, что ты –
навсегда со мною,
даже в этом, заклинившем
промежутке...
2. ночь плотней и нежданней,
всё гуще и гуще,
стали тени темней,
неизбывней тьмы тьмуцей
по заимкам и сёлам, погостам
и щелям,
где живут бобыли
и набожные дочери,
сохранившие пращуров
древних иконы,
после стольких порух
и вселенского гона.
Как живётся вам, можется
в сущих пределах,
за водою как носите
бренное тело?
Так и ходите пеше всё в лес
за дровами,
тот ли ангел стоит между Богом
и вами?
И на грядках сгибается ли
поясница,
снятся ль детские сны
и любимые лица?

Время смотрит на меня

Алексей БОРЫЧЕВ

г. Москва.

Февральские вариации

Февраль. Играет небо
в бадминтон,
Ракеткой мглы подбрасывая
солнце...
Одетый в снежно-льдистое

манто,
Кивает лес в морозное оконце
Избушки, где живёт
февральский день,
Танцующий, смешливый,
синеглазый:
В избушке даже крыша набекрень
От топота весёлого и пляса!

И стены той избы не изо льда –
Из воздуха, который крепче
стали,
А окна – многоцветная слюда
Времён, смотрящих

в палевые дали.
Туда воланчик-солнце упадёт,
Когда вдруг небеса играть
устанут...
Потом придёт полночный
лунный кот
И слижет с неба звёздную
сметану.

Красное, белое, чёрное...

Красное, белое, чёрное
Мне угрожало во мгле.

Петли фортуны кручёные –
На небесах, на Земле
Тонкой иголкою времени
Из неудач и потерь
Связаны,
Свиты,
Промерены...
Тем измереньям – поверь!

Красная нитка, вплетённая
Злобой и болью в узор,
Душу тревожит лептонами

Страхов, сомнений и ссор!
Белая нить извивается
Змеем случайностей. Так –
Цепью проблем обращается
Малый, незримый пустяк.

...Если кровавою раню –
Солнце на небе с утра –
То сплетены со старанием
Чёрные нити утрат!

Мне б перевить с ними – синие,
Жёлто-зелёные. Но
Нет их! Тревожные линии
Вижу на этом «панно».

Только отдельные локоны
Синей надежды-мечты
Изредка радуют око мне.
Их и не видно почти...

Ноябрь

Расколотив о купол дней
Тепла светящуюся чашу,
От сумрака не обеднев,
Бродил разбойником по чаще.
Обворовал сады, леса,
Плоды ветрами обрывая.
Щекой горячей полоса
Над полем рдела зарева.
И, напившись темнотой,
На землю мелким снегом падал,
И на него сквозь туч настой
Светила лунная лампада.
К утру опять поднялся он
Свинцово-синей влажной
дымкой,
Размыв границы всех времён
И обратив мечту дождевой.
На острие тиши лесной
Лишь враний крик теперь
нанизан.

Пугливый день,
блеснув блесной,
Струится влагой по карнизам.

Кружится в воздухе тоска
Секунд беснующейся стаей
И дожидается, пока
Пора искристая настанет.

Переменными огнями...

Переменными огнями
Освещая грани дня,
Сквозь томление между снами
Время смотрит на меня.

То волненьем, то покоем,
То печалью поглядит,
То смешливое такое,
То сурово, как бандит.

Улыбается, прищурясь
Закопной тишиной...
Я окно перекрещу, раз
Там мерцает мир иной,

И с небес его – прозренья
Падает метеорит,
И светящееся время
С ним о чём-то говорит.

Ни звука, ни слова, ни вздоха...

Ни звука, ни слова, ни вздоха.
Откуда? – конечно, оттуда...
Зима, ожиданье, простуда.
Черства повторений лепёха!
Обиды в ночи растворяя,
Ты сам каменеешь под утро.
А после крыло перламутра
Помашет из горнего края!
На простыни стынет былое
Просыпанной звёздной пылью.
Подняв невесомые крылья,
Порхает в пространство другое
Лимонница порванной жизни...
Какие слова здесь? – молчанье!
Но мир беспокоен, отчаян.
И время нервозно, капризно.

«Шило» по-редакторски

Василий САМОТОХИН

г. Санкт-Петербург.

Василий Николаевич выпускник Львовского высшего военно-политического училища. Корреспондент газеты «Граница России». Член Союза писателей России.

1981 год. Иду знакомиться к ответственному редактору подполковнику Олегу Петрову. Захожу в дом. Представляюсь, вручаю его супруге букет цветов и говорю:

- Олег Алексеевич, это ничего, что я немного выпил?
- Ничего-ничего! Хоть поговорим по душам.

Я достаю бутылку коньяка, его жена, которую он ласково называет «моя Юлечка», подает лимон и кофе. Я рассказываю о себе, службе в армии, учебе во Львовском военно-политическом училище. Мы читаем стихи, спорим о поэзии, новинках кино и театральных постановках. Он не любит Татьяну Доронинову, ее манеру вести себя, а мне она нравится. Олег Алексеевич рассказывает о том, как он прыгал с парашютом, выходил в море с подводниками, как встречался в Магадане с великим певцом Вадимом Козиным и как добирался до заставы на острове Ратманова.

Полный обаяния редактор повествует много интересных историй из редакционной жизни, он весел и счастлив. Где-то в третьем часу ночи спрашивает меня, как я отношусь к спирту. Получив утвердительный ответ, достает довольно большую бутылку и заговорщически говорит: «Редакционный, наш родимый, для протирки фотоаппаратуры и других принадлежностей... Хорошая, тебе скажу, лейтенант, штука. А закусывать надо арбузиком. Проверено...» Приносит с балкона арбуз, и мы беседуем душевно и неспешно.

Расстаемся под утро, когда у меня, лейтенанта, начинают слипаться глаза. Но только не у сорокапятилетнего подполковника. Редактор провожает меня гимном революции:

- Белая армия, черный барон...
- Откуда – то и у меня берутся силы, и я подпеваю ему:
- Так пусть же Красная...

Такой был у меня редактор. Больше подобного панибратства с «летехой» не допускал ни один руководитель газеты.

От редакции

СПАСИБО, ДРУЗЬЯ!

В декабре 2012 г. и в январе-марте 2013 г. «Литературный меридиан» помогли выпустить в свет наши авторы и читатели: **Анна ПЕТРОВА** (г. Виннипег, Канада), **Владимир ПЕНЬКОВ** (д. Гаровка-первая Хабаровского края), **Яна ДЕМИДЕНКО** (г. Арсеньев), **Александр РАЧКОВ** (г. Николаевск-на-Амуре), **Анатолий БАКАЛОВ** (г. Владивосток), **Алиса АРТЕМЕНКО** (с. Марьяновка Приморского края), **Лидия ПЕТРОВА** (г. Партизанск Приморского края), **Владимир ПИНЧУК** (с. Ильинка Хабаровского края), **Виктор ВЛАСОВ** (г. Омск), **Александра ПОЗДНЯКОВА** (г. Владивосток), **Руслана ЛЯШЕВА** (г. Москва), **Алла МАЧТАКОВА** (г. Владивосток), **Виктор ЗАВОДИНСКИЙ** (г. Хабаровск), **Лилия КОБЕЛИВКЕР** (г. Николаевск-на-Амуре), **Виктор КОБИСКИЙ** (с. Акша), **Геннадий ГЕНЦЛЕР** (г. Новосибирск), **Василий ПОНОМАРЕНКО** (г. Ярославль),

Нонна ВЕСНИК (г. Москва), **Светлана ТИМИРГАЛИЕВА** (г. Москва), **Сергей МОРОЗОВ** (г. Артём Приморского края), **Геннадий ХОМСКИЙ** (г. Уссурийск), **Александр ЕГОРОВ** (г. Владивосток), **Антонина СПАССКАЯ** (г. Владивосток), **Галина АНДРИАНОВА** (г. Москва), **Людмила БЕРЕСТОВА** (г. Лесозаводск), **Николай БЕРЕЗОВСКИЙ** (г. Омск), **Юлия ПОДГОРБУНСКАЯ** (г. Иркутск), **Вера ВОЛИК** (с. Тихоречное Приморского края), **Кир ШУРОВ** (пос. Поназырево Костромской области), **Иван ШЕПЕТА** (г. Владивосток), **Надежда РУЗАНОВА** (г. Уссурийск), **Марина ЗАЙЦЕВА** (г. Корсаков, Сахалин), **Лена АКИМОВА** (г. Партизанск), **Людмила БУГАЕВА** (г. Владивосток).

Низкий вам поклон за отзывчивость сердец и неравнодушие к литературной жизни России!

Горбушка

Олег РОМАНОВ

п. Ташенка
Рязанской области.

Олег Владимирович родился в 1963 г. в деревне Шемякино, Рязанской области.

Поэт, прозаик, критик, краевед.

Автор 11 книг поэзии, прозы и публицистики.

Член РСПЛ («Российского Союза профессиональных литераторов»), Рязанского союза литераторов.

Дом её стоял на отшибе буквой «зю». Вышвырка – так звалось это место. Крытая аржаной соломой крыша местами съехала. Проём потолка рухнул однажды средь бела дня. Сквозь ребра двух стропил зияло небо. Ворона-альбинос с отстрелянной лапой, жившая в холода в раструбе русской печи, а летом на чердаке – свободно попадала в жилище. Стекла, вставленные в рамы сто лет назад, утолстились к низу. В некоторых окончинах их вообще не было. Горбатая чумазная старуха в рванье, с седыми нечесанными волосами скребла ржавым ножом доски обеденного стола. В громадной русской печи трещали и искрили валежины. Скрюченные подагрой пальцы бабуси едва держали инструмент. В свете печи чугунок, прикрытый сковородкой, урчал от вскипевшего варева. Бабка нашарила в уголке ухват, и еле вытащила на божий свет посудину. После того как отвар был слит в отхожее ведро, на чистый стол посыпалась нелупленная картошка. Насытившись, бабка скинула резиновые сапоги с грязных босых ног и полезла в печь, заглохшую к этому времени, – почитать. На стол тут же спрыгнула ворона – доклевать ошурки.

...В сорок первом Агарина получила похоронку на мужа. Остались двое детей, хозяйство и тяжелый труд в колхозе. Как-то по зиме ее трепанула в розвальнях молодая кобыла Галерка. Агарина, вылетев из саней, сломала себе позвоночник. Мужиков не было в деревне. Все были на фронте. Дети не смогли путем привязать её к доске. На месте слома вырос горб. Сын стигнул со временем в тюрьме. Дочь, над которой в детстве надругались какие-то нелюди, удачно вышла замуж за еврея – в деревне было много дач обеспеченных людей. Переехала в столицу и забыла про мать. Появились «дача, тачка и собачка». Авария со смертельным исходом решила все – сожгли в крематории... Дом, доставшийся старушке от матери, был еле жив. А она не сдавалась! Их с мужем изба в соседнем селе, возле церкви, сгорела вместе с документами в жаркое лето сорок пятого. Состарившись в сорок пять лет, выживала инвалидка бабка, сажая картошку, а хлеб подавали, как нищенке, сердобольные колхозники, сами не имевшие ни паспортов, ни денег. Жизнь пролетела незаметно. Спасибо крепко сложенной русской печке! В ближайшем леске Агарина ножовкой пилила сучья упавших в бурю берез. Домой свозила их в округлом жестяном корыте для стирки белья. Веревочка больно впивалась в плечо. Мешал горб. Ноги привыкли и даже в резине не чувствовали мороза. Летом было легче...

В начале нового века в деревнях жители ломали печки – должны были провести природный газ. И это во времена, когда по новому кладбищу идешь как по центральной улице Советской – не успеваешь здороваться – знакомые все лица. В районной администрации отыскалась папка с документами, по которым бабке Агарине из деревни Шостья – стукнуло сто лет. Сам глава администрации Яков Львович, нарядившись в блестящий костюм со стразами и люрексом, приехал в деревню со свитой из отдела соцзащиты. Телевизионщиков с местной студии прихватили. Глава сельской администрации прихватил дорогой букет, купленный накануне. Справные чиновницы в строгих нарядах несли шампанское и торт, перевязанный шелковой ленточкой. Заглянув в разбитое окошко, гости увидели лишь обглызленную черствую горбушку хлеба на выскребленной столешнице и сине-грязные пятки, торчащие из чела печи. Рядом дырявые мужские сапоги. «Ка-ра-чун!» – прокаркала гостям снежная ворона со стрехи и слетела к хлебу, тыркнувшись лапой об стол. В соседнем селе начал звонить колокол.

Дежурный у Вечного огня

Виктор ВЛАСОВ

г. Омск.

Виктор Витальевич окончил омский филиал Московского института иностранных языков.

Автор нескольких книг прозы. Член редколлегии журнала «Вольный лист».

Конец июля. Стояла сильная жара. Люди облепили фонтаны у Музыкального театра, на Тарской и на улице Гусарова. Пары постарше приходили и мирно сидели на парапетах, время от времени кидая в воду монетки, среди ребят помладше нашлись смельчаки, которые искупались. Я бы тоже окунулся в прохладу фонтана, лихо бы нырнул, словно амфибия, но я выполнял важную миссию – был свидетелем на свадьбе лучшего друга. Прожив год со своей пассией в гражданском браке, тёзка решил жениться. По сложившейся традиции молодожёны посещали значимые места нашего города, водителем на свадьбе был мой отец. Последним местом, куда перед свадебным пиршеством мы приехали, стал мемориал «Вечный огонь», увековечивший события гражданской войны. Свидетельница отлучилась за гвоздиками, а мы втроём пошли фотографироваться на площадку. Изнывая от жары, жених выглядел замученным. Улыбался через силу и даже случайно наступил на красивое пышное платье жены.

Передав фотоаппарат отцу, я подошёл к Вечному огню и засмотрелся на него. Кончик пламени ярко синел, бился как живой. Вокруг полыхавшего жерла адели цветы: букеты роз и гвоздик. Незаметно около меня оказался человек в инвалидной коляске.

– Не обращайтесь внимания, – грустно улыбнулся он, пальцами спустив тёмные очки на нос. Он посмотрел на меня внимательно, словно хотел что-то сказать. На загорелом широком лбу мужчины и на его бритых щеках покоились волны морщин. Белый платок выглядывал из кармана потёртого серого пиджака, на котором поблёскивали металлические пуговицы с изображением серпа и молота. У незнакомца не было ног – брюки заворачивались под самый живот.

Моё нутро заныло, и я сочувственно посмотрел на беднягу. Промокнув пот на шее платком, он подмигнул:

– Вечный огонь – полезная штука! Вы об этом не задумывались, но сейчас поймёте!

Вытащив пятьдесят рублей, я протянул ему. Глядя на нашу компанию, он лихо повернул коляску, на спинке которой висела капроновая сумка. Оттуда выглядывали два шампура.

– Есть и сковородка, – добавил он. – Пожарить сосиски на огне – милое дело, прямо шашлык. Да, мы до сих пор не знакомы? Василий Фёдоров.

Он крепко пожал мою руку, и мельком посмотрев на неё, заключил:

– Не любишь физически трудиться, Витёк.

– Предпочитаю умственно, – ошарашено ответил я.

– Умственно – тоже необходимо, – иронично ответил он.

Василий привлёк внимание молодожёнов, мой отец слушал удивлённо, только свидетельница нахмурилась.

– Вчера меня отсюда выгнали, – признался он, вскинув дуги бровей. – Подходит нетрезвый молодой парень и говорит: – Катись по добру по здорову...

Я отвечаю:

– Сейчас подсолю яичницу и покачусь... Эх, люди мои, – покачал он головой, глядя на огонь отрешённо. – Суп варю на огоньке, жарю-парю!..

Он перехватил взгляд свидетельницы и печально проговорил:

– Кладите цветы, кладите, барышня, – Василий проделал жест рукой. – Или можете мне отдать их сразу, ведь они завянут и никому не помогут. Я их аккуратно возьму и продам, а вам пожелаю здоровья. Чему вы удивляетесь, я потерял ноги, но обманывать людей не привык.

– Держи, дружище, – новобрачный тоже подал инвалиду пятьдесят рублей.

Он обрадовался, выпрямившись в коляске. Блеснули агатами его глаза.

– Вы знаете, с кем говорите? – вдруг спросил он, гордо подняв подбородок.

На миг мне показалось, что новый знакомый – совершенно здоровый человек.

– С чемпионом параолимпийских игр, – ответил Василий, стрельнув огненным взглядом в меня. – Давай наперегонки? Дам тебе фору. Снимешь пиджак, ботинки. Босиком легче.

– Извините, – тихо произнесла Олеся, жена друга. – Мы торопимся – гости ждут.

– Человек этикета! – радостно продекламировал Василий, широко улыбнувшись. – Последний трюк позволите, прекрасная мадам?

– Только последний, – согласилась она.

Он вытащил длинный самодельный ремень из сумки и туго привязал себя к сиденью коляски. Раскачавшись, он встал на руки, поднял и скрипучую коляску. Стоя вниз головой, он покраснел и с трудом спросил:

– Слабо повторить?

Повернувшись несколько раз, не удержался, упал на бок и выругался.

– Что стоите, помогайте, родимые! – попросил он.

Я оторопело переглянулся с отцом, муж с женой, свидетельница стояла в замешательстве.

– Сам поднимусь, – лёжа на боку, отмахнулся он. – Денег дайте.

Мой отец сунул акробату купюру. Василий, кричтя, рывком выровнял коляску. Попрощавшись, глядел нам вслед. Мы забрались в машину. Обратную дорогу молчали, каждый думал о своём.

Как причудлива жизнь! Историческая память сохранила прекрасное место в городе. Вечный огонь – напоминание о погибших в безумном пекле братоубийственной гражданской войны. Неужели пора забыть о событиях столетней давности? Кого согреет Вечный огонь? Но неугасимый свет притягивает нас теплом и сегодня и в горе, помогает немощным согреться и приготовить пищу. Огонь – великая стихия. Пусть он горит долго-долго...

Погуляя я на свадьбе лучшего друга прекрасно. Пишу эти строки и грущу, вспоминая случай у Вечного огня. Будь здоров, чемпион Василий!

Отклики наших читателей

«Литературный меридиан» широко представлен в сети Интернет. Общее количество читателей ежемесячника давно превысило 50.000 человек. Конечно, «наши тиражи» несравнимы с количеством томов безликой макулатуры, что оккупировали стеллажи отечественных книжных магазинов, но, как говорится, «всё же...».

Предлагаем вашему вниманию отклики наших авторов и читателей на критическую статью Владимира Тыцких «Пук за пук, то есть как аукнется».

* * *

Возможно, то, что я здесь напишу, будет не совсем по теме, но мне очень хочется оставить этот комментарий. Я не писатель и никакими писательскими реалами не обладаю. Так, иногда описываю то, что вижу вокруг себя и что кажется мне интересным или заслуживающим внимания. При этом пытаюсь писать ну хотя бы так, чтобы вызвать у читателя улыбку. Говорят, что удается редко. «Ну и черт с ним» – говорю я себе. Но теперь я понял, как нужно писать, чтобы рассмешить (имею в виду творчество Николай Николаевича Морозова)! Я уже давно не смеялся над печатными текстами, как сегодня. Наберусь пафоса у ваших подопечных и скажу, что вы нашли настоящий «бриллиант» и сумели дать ему правильную огранку.

Борис РУБЛЕВ.

* * *

Великолепный критический разбор без злоупотребления эмоциями (вообще без них, по-деловому). Понравилось.

СОКОЛОВ Юрий Михайлович.

* * *

Критические заметки Владимира Тыцких, напечатанные во втором номере вашего журнала, прочитал не только с большим интересом, но с уважением! Не каждому критику (и живому творческому человеку) удаётся сдержаться, отвечая на выпады не вполне адекватного автора-редактора. А уж разгребая дурно пахнущую кучу поэтических очисток – тем более. Поэтому получил двойное удовольствие. Во-первых, потому, что В.Тыцких ответил очень по существу. А, во-вторых, сделал это с чувством собственного достоинства, ни разу не переступив границ нормального поведения, этических и нравственных норм. Честно признаюсь, на середине у меня в душе появилось неприятное чувство, что автор сломаёт границы приличия и «приложит» оппонента если не солёным словцом, то, по крайней мере, крепко посолённым. И тем приятнее было моё «разочарование». И тем большее уважение к автору и вашему журналу!

Прошу передать моё спасибо В.Тыцких.

Геннадий ГЕНЦЛЕР, г. Новосибирск.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К ПРИСЫЛАЕМЫМ МАТЕРИАЛАМ

1. Произведение присылается **один** раз.
 2. Отдельные произведения набираются на компьютере или печатаются на печатной машинке с двойным интервалом. На обороте листа не писать и не печатать.
 3. Каждый лист рукописи должен быть подписан в правом верхнем углу: полное имя автора (без отчества), его фамилия и наименование населённого пункта, в котором автор проживает (в произведениях, присланных в электронном виде, авторские данные указываются **один** раз). Отдельным документом прилагается биографическая справка.
 4. Фотографии принимаются только контрастные, высокого качества.
 5. Текстовые файлы принимаются в формате **WORD**. Произведения, присланные по электронной почте, имеют приоритет в публикации (**E-mail: Lm-red@mail.ru**).
 6. При отправке корреспонденции в редакцию в графе «Получатель» необходимо указывать имя главного редактора Владимира Александровича Кóстылева.
- Материалы, не соответствующие требованиям, а также рукописные работы, ксерокопии и неразличимые компьютерные оттиски **не рассматриваются принципиально** и в работу **не принимаются**.

ПОДПИСКА НА 2013 ГОД (осуществляется круглый год)

	полгода	год
«Литературный меридиан»	370 руб.	570 руб.

Указанная сумма высылается почтовым переводом на имя главного редактора **Кóстылева Владимира Александровича** по адресу для корреспонденции:

**692342, Россия, Приморский край, г. Арсеньев-12, а/я 16,
ежемесячник «Литературный меридиан».**

Ежемесячник высылается почтой по указанному подписчиком адресу. Дополнительные затрат подписавшийся **не несёт**.

- При перепечатке ссылка на «Литературный меридиан» обязательна.
- Мнение редколлегии не всегда совпадает с мнением автора.
- Редакция в переписку не вступает.
- Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
- Срок хранения рукописей в архиве редакции – 1 год.
- Авторы несут ответственность за достоверность своих материалов.
- Редакция имеет право отказать в публикации.

«Литературный меридиан» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Рег. ПИ № ФС 77-33178 от 18 сентября 2008 г.
Учредитель: В.А. Костылев
Объём издания – 8 печатных листов.
Тираж 500 экз. (включая электронную версию)
Цена свободная.
Номер подписан в печать по графику и фактически 12 марта 2013 г. в 17-00.
Адрес издателя и редакции:
г. Арсеньев, ул. Островского, 8/1-20.
Отпечатано в ЗАО «Полицентр»,
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Дата выхода номера в свет – 19 марта.

16+

АДРЕС ДЛЯ ПИСЕМ:

Россия, Приморский край, 692342, г. Арсеньев-12, а/я 16, ежемесячник «Литературный меридиан»,
Кóстылеву Владимиру Александровичу.
Тел. (+7) **914-666-1-999 (МТС)**; (+7) **924-336-21-27 (Мегафон)** (с 01.00 до 15.00 по Москве)
E-mail: Lm-red@mail.ru Наш сайт: www.Litmeridian.ru
Номер счёта в системе Яндекс-деньги: **41001884919176**

**ИЗДАНИЕ ВЫХОДИТ НА СРЕДСТВА, СОБРАННЫЕ АВТОРАМИ, СОТРУДНИКАМИ РЕДАКЦИИ,
ЧЛЕНАМИ ОБЩЕСТВЕННОГО И ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТОВ, А ТАКЖЕ НА ПОЖЕРТВОВАНИЯ,
И ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ НА БЕЗГОНОРАРНОЙ ОСНОВЕ.**

Редакция «Литературного меридиана» проводит курс на расширение творческих связей с литературными изданиями Российской Федерации:
«Сихотэ-Алинь» (г. Владивосток), **«Огни Кузбасса»** (г. Кемерово), интернет-журналом **«Молоко»**.

Байкер. Фото Ольги ЛЕВАШОВОЙ, г. Владивосток.

Внимание! Подписка продолжается!

Стоимость полугодовой подписки составляет 370 рублей, годовой – 570 рублей. Указанная сумма отправляется почтовым переводом по адресу для корреспонденции:

692342, Приморский край,
г. Арсеньев-12, а/я 16,
редакция журнала «Литературный меридиан»,
Костылеву Владимиру Александровичу

Справки по E-mail: Lm-red@mail.ru
или по телефону: 8-914-666-1-999

Панорама реки Амур.

